

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ФУТЛЯР

ДЛЯ МУЗЫКАНТА

МИХЕЛЬ ГАВЕН

Михель Гавен
Футляр для музыканта
Серия «В сводках не сообщалось...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38840576

Футляр для музыканта: Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7567-2

Аннотация

Как известно, исчезновение знаменитого джазового музыканта Гленна Миллера в декабре 1944 года – одна из неразгаданных тайн Второй мировой войны. Исследования, проведенные в последнее время, доказывают, что он все-таки утонул в Ла-Манше после крушения самолета, но окончательной ясности нет, и иные версии остаются в силе. Одна из них гласит, что на самом деле Гленн Миллер был схвачен десантниками Отто Скорцени и доставлен в рейх, где из него пытались создать суперагента для использования в высших сферах большевистской власти. Роман показывает, как это могло происходить.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Михель Гавен

Футляр для музыканта

*** * ***

© Гавен М., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Пролог

Петрозаводск, 1948 год

Солнце светило ярко, но ветер с озера дул холодный. Три тощих березы под окном гнулись под ним, размахивая ветками с посеревшей от пыли листвой.

Холодом тянуло в широкую щель между полом и обклеенной газетой дощатой дверью. Резко – как выстрел – хлопнула форточка. Он вздрогнул, как-то неловко заерзал на стуле, потом вскочил, глядя на портрет усатого «хозяина» на стене.

Руки как-то сами по себе суматошно задвигали бумаги на столе. Потом что-то щелкнуло в мозгу, словно переключаясь, – страх осел, мысль прояснилась. «Толя, Толя, это только форточка», – уговаривал он себя, снова опустившись на стул. Эта толстуха Пашка, которую к нему приставил секретаршей местный энкавэдэшный начальник Пильзюк, опять забыла ее закрыть. А сквозняк-то тянет, еще как тянет! А больная почка ох как чувствует этот холод! И так всю ночь болела спина и температура поднималась. Хорошо, Маша с вечера заварила еще брусничный лист, так дала настоя – полегчало.

Вот уж это петрозаводское лето! Середина июля – а всего-то восемнадцать градусов, и сырость, сырость... Никак не привыкнуть. Сколько раз уж вспомнилась родная Кубань! Ночью двадцать пять жара, небо черное, бархатное, полно

звезд, воздух горьковатый, полынью пахнет.

А тут и ночи-то не дожدهшься, не успеет стемнеть, как опять светло. И небо даже ночью серо-голубое, звезд на нем не видно. Только редко осенью когда. Никогда б сюда по доброй воле не приехал. Но пришлось.

В новую Карело-финскую республику, вошедшую в состав СССР в 1940 году по Московскому мирному договору по результатам войны с Финляндией, требовались комсомольские и партийные кадры.

Комсомол послал – он поехал, оставив Ярославль, обустроенный номенклатурный дом в центре города. Вначале жалел – что уж говорить, далековато от центра-то, как в ссылку отправили. А оказалось – очень удачно все получилось. Он это понял, когда война началась. Отсиделся в тылу, от греха подальше. Да и Машу встретил – заботливая женщина, не сравнить с его первой. Повезло.

Почку опять кольнуло. «Надо закрыть эту чертову форточку! А Пашку, как придет, взгреть как следует!» Второй секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б) Анатолий Владимирович Трохов встал. Держась рукой за ноющий бок, подошел к окну, со злостью хлопнул форточкой.

Потом взглянул на часы – через полчаса пожалуйет Пильзюк, напросился вчера. Мол, важный разговор у него. У Трохова с этим скользким лысым типом, возглавившим местное управление НКВД, отношения сразу сложились натянутые. Не понравилось ему, как Иван Степанович, только за-

ступив на должность, устроил ему допрос. Явился чем свет, присел на стульчик, папочку на стол выложил и вкрадчиво так начал: «Я тут, Анатолий Владимирович, с документиками ознакомился. Неясность есть. А не мог бы ты мне прояснить...»

И опять все о том же! О чем писал тысячу раз – и при вступлении в комсомол, и при приеме в партию, и не в одной объяснительной описывал... «А как это твоя матушка оказалась в доме богатых евреев Фрекенштейнов, владельцев ювелирной лавки? А кто она им? Вот ты пишешь, что приемная дочь. А может быть, родная, и ты скрыл от партии свое непролетарское происхождение?»

Прям хотелось задушить этого червяка. А потом и того хлеще. Письмо, мол, поступило на тебя. «Нехорошее письмо, Анатолий Владимирович. От твоей первой жены Евдокии, которую в Ярославле ты бросил. Жалуется, что трудно живется ей, голодают детишки, – лысину потер, как бы жалее. – А почему не помогаешь?» – взгляд сразу колючий стал. И так уставится маленькими барсучьими глазками, зло смотрит. «Ай, ай, ай, Анатолий Владимирович, нехорошо, – покачивает головой. – Жене и детишкам помогать надо».

Он бы сам пожил с ней, с ведьмой этакой! Век бы с ней дела не имел, да папаша у нее был из ихних, энкавэдэшных. Соратник Дзержинского, революционер. Вот ради карьеры и сошелся. А как хлопнули тестя в тридцать седьмом, сразу сбежал, зачем иметь пятна в биографии? Воспользовался

предложением в Карелию поехать. Но в глаза-то всего этого не скажешь. Пришлось послать Евдокии часть пайка. А тут и самим не хватает. Сынок только родился, Маша слаба после родов.

Но с Пильзюком сейчас ссориться нельзя. Никак нельзя. Тут, по всему чувствуется, новые чистки намечаются. Из Москвы комиссия пожаловала, проверки проводит. Так что с Пильзюком надо обходиться осторожно: много нагадить может, у него информация-то припрятана наверняка, на каждого компромат имеется. И на комиссии его клевали. А первый секретарь молчал, как в рот воды набрал. «А что они привязались? – Анатолий Владимирович отхлебнул из стакана остывший чай с морошкой. – Разнос устроили. А что это вы, товарищ Трохов, говорят, за все время войны ни одной просьбы об отправке на фронт не подали и в партизанские руководители не просились? Товарищи постарше вас возрастом заваливали партию обращениями. А вы что же? Объясняешь им, что здоровье слабое, почки больные, к тому же ребенок маленький недавно родился». А они – вы коммунист, товарищ Трохов, или нет? Негоже, мол, за партийную бронь прятаться, за жену и ребенка. Красный весь сидел как рак, когда этот Суворин, комиссию возглавляющий, его распекал.

А Пильзюк усмехается, опять же он капнул. Ох, держать надо ухо остро. Война к концу идет, «хозяин» наверняка прежний порядок наводить станет, своих от чужих отделять,

тут главное – под общий молох не попасть, вовремя выско-
чить.

С чего тогда вчера Суворин на комиссии завел разговор о подпольщиках? Мол, есть указание никого из них не выдвигать и не поощрять без должной проверки. Еще неизвестно, чем они там занимались в глубоком тылу, надо все изучить хорошенько. Каждый человек требует проверки.

Ясное дело, новых врагов ищут, чтоб страх не рассеивался, знали, что зоркое око НКВД всех видит и малейшее отступничество от него не скроешь. А тут Куприянов, этот дурак, заводит делом по работе с молодежью, как вскочит. И Суворину выпалил: «Мол, что вы такое говорите, я сам занимался подборкой кадров. Как можно арестовывать таких людей? Нет никаких оснований им не доверять. Это все честные, преданные партии люди, которые в тяжелейших условиях рисковали своей жизнью». Раздухарился. И к нему, Трохову, обращается за поддержкой. «Анатолий Владимирович, говорит, может подтвердить. Ему все хорошо известно и о подборе, и об обучении, и об отправке». И на Трохова смотрит. Он что думал, осел? Что Трохов тоже дурачок, не понимает, что от этих подпольщиков теперь отгородиться надо, обходить стороной. Ни в коем случае не защищать. Так он встал и сказал громко, чтоб все слышали: «Никакого участия я, товарищи, в организации подпольной работы не принимал. Ни с кем из подпольщиков не знаком. Ни за кого поручиться не могу». И сел. Вот у них у всех подбородки от-

висли. Куприянов так и вовсе плюхнулся на стул, позеленев, Даже Пильзюк глаза вытаращил. А Суворин кивнул одобрительно. Вот что главное. Значит, правильно все он понял, раскусил новую политику. Да и нехорошее впечатление о себе подправил. А они, дураки, пусть на себя пеняют, что умом не вышли. Куприянов в особенности – лопух!

Часы на стене как-то глухо стукнули, пружинка заскрежетала, вслед за этим, точь-в-точь, хлопнула дверца машины на дворе. Трохов привстал, чтобы подойти к окну, но потом снова сел на стул. Что суетиться? И так ясно – Пильзюк явился. Вьедливый, дотошный, подозрительный – такой ни на секундочку не опоздает, лишь бы его самого не заподозрили. Ну, хотя бы в том, что ленив, к примеру. В ожидании Трохов нервно постукивал ложкой по краю стакана. Ну, вот в коридоре слышались шаги – неспешные, а куда торопиться-то? Знают, псы, как у человека сердце жметса, едва они появлятса. Никто ни в чем уверен быть не может, всех страх гложет. Дверь скрипнула.

– Здравьичка желаем.

Начальник управления НКВД по Петрозаводску – невысокий, плотный, с широким одутловатым лицом – остановился на пороге и, прислонившись плечом к косяку двери, приложил руку к козырьку фуражки.

– Как поживаешь, Анатолий Владимирович? – небольшие светлые глазки Пильзюка словно впились в Трохова. – Что-то мрачен с утра.

– Текучка замучила, Иван Степанович.

Трохов привстал и криво усмехнулся, приветствуя майора.

– Срываются сроки по восстановлению Беломорского аэродрома, – добавил он, кашлянув. – А Москва подгоняет. Надо всех мобилизовать.

– Да, дел много, верно.

Пильзюк плюхнулся на стул, сунув фуражку Трохову под нос. Вынув из кармана скомканный платок, протер лысину.

– Война-то к концу катится. Территорию очистили, Карельский фронт со дня на день расформируют. Надо приглядываться к людишкам, которые остаются. Немцы да финны агентуру повсюду понатыкали, так что остро ухо держи. Тут каждая недомолвка – беда. Как доверять, если человек правду скрывает?

Бесцветные глазки Пильзюка вдруг остановились, точно замерли, глазки сузились, как у хищника перед броском. Постукивая пальцами по столу, он молчал, неотрывно глядя на Трохова. Тот поежился.

– А что это ты, Иван Степанович, на меня так смотришь? – Трохов нервно переложил бумаги из одной папки в другую. – Словно обвиняешь в чем?

Он попробовал улыбнуться – как пошутил вроде, – но получилось натужно. Не до смеха тут уж, сердце замерло.

– Мне как будто скрывать нечего.

– Нечего?! – Пильзюк как-то недобро ухмыльнулся. –

А какого черта ты от партии скрыл, что у тебя брат-близнец имеется? Это как понимать надо? И тоже Фрекенштейн? – Пильзюк наклонился к Трохову, дохнув на него вчерашним перегаром, смешанным с запахом дешевого гвоздичного одеколona.

– Брат-близнец?!

Трохов чуть не вылил на себя остатки чая из стакана.

– Это... это... Наговор! – Он взвизгнул неожиданно даже для самого себя. – Отродясь у меня брата не было.

– А это еще доказать надо, – на губах Пильзюка играла издевательская улыбочка. – Вот ты попробуй. А я посмотрю, как ты это делать будешь.

Майор резко встал, сдернул фуражку со стола, шагнул, направляясь к двери.

– Не, ну, ты погоди, погоди, Иван Степанович, ты так не уходи, – Трохов засеменял за ним, жалобно приговаривая. – Откуда взялось-то? Откуда? Кто оговорил?

– Анатолий Владимирович, к вам там...

Дверь распахнулась, на пороге появилась Пашка – секретарша – с широкой русой косой, выложенной венчиком вокруг головы, белой блузке и узкой полосатой юбке, обтягивающей широкие бедра.

– Пошла вон, – шикнул на нее Трохов.

– Ой, простите, – секретарша поспешно закрыла дверь, но Трохов успел заметить, как она обиженно поджала губы. И тут же поймал на себе насмешливый взгляд майора. Тро-

хов смутился. Да что смущаться-то, одернул он себя. Уж кому еще, а Пильзюку точно известно, что Пашка – баба отзывчивая, на ласку сама напрашивается. Для того ведь и прислал – знал кого.

* * *

– Алло! Это Хелен? Это Хелен Бергер?

Он неожиданно услышал свой голос, и сам не узнал его. Он показался ему глуховатым, словно доносился издалека. Серая пустота скрутилась невзрачной большеголовой змейкой и тут же исчезла, точно юркнула в невидимую дыру, оставляя место широкой лужайке с аккуратно подстриженной травой, серебрящейся от света луны, повисшей над плато.

– Алло! Хелен, это Гленн! Ты получила мою открытку?

Высокие длинноиглые сосны, слегка изогнутые от ветра, постоянно дующего с гор, застыли перед входом в двухэтажный дом с белым балконом над крыльцом. Все окна в доме темны – уже наступила ночь, и хозяева давно легли спать. Держа в руках бархатный футляр в форме сердечка с бусами из мелкого жемчуга – на них он потратил весь свой недельный гонорар за игру в оркестре, – Гленн нерешительно переминается с ноги на ногу, а затем... свистит в два пальца – резко, пронзительно. Пушистая серая сова, сверкнув желтыми глазищами, срывается с ветки – серебристые капли от

прошедшего вечером дождя, разлетаясь, ударяют ему в лицо, а свист разносит эхо в ущелье.

«Хелен! Неужели она улеглась спать? – думает он с тревогой. – Я же звонил ей сегодня. Сказал, что приду после работы. Забыла?»

– Хелен! – он уже кричит во всю силу, забыв о том, что может потревожить соседей.

– Что ты орешь?!

Окно на втором этаже распахивается. Появляется белокурая головка Хелен в папильотках. Личико не заспано – она и не спала, – но кривится от недовольства.

– Немедленно замолчи! Я сейчас спущусь.

Через мгновение она появляется на пороге. В полосатом ночном халате, руки уперты в бока. Однако губы накрашены, а на лице – свежий слой пудры.

– Имей в виду, – деловито заявляет она с ходу. – Я никуда не пойду.

– Но я пришел к тебе, у нас свидание.

Он берет ее за руку и примирительно гладит пальцы.

– Садись, – тянет за собой, усаживаясь на верхнюю ступеньку.

– Вот еще! Здесь холодно!

Хелен раздраженно выдергивает руку.

– Ты сказал, что придешь после работы, а сейчас сколько времени? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Ее глаза гневно сверкают, но он замечает, что она погля-

дывает на коробку.

– Я и пришел после работы, – объясняет он терпеливо. – Я музыкант, я играю в оркестре. Мы только что закончили концерт. Садись.

Он снова тянет ее за руку. На этот раз она послушно присаживается рядом.

– Ты совсем не изменилась, Хелен, – вздыхает он. – Все такая же сварливая. И такая же красивая.

И, сделав паузу, открывает коробку.

– У меня для тебя подарок.

Мелкий жемчуг мерцает на черном бархате. У Хелен вспыхивает от радости лицо. Но она еще старается не выдать себя и, сделав усилие, с притворным недовольством кривит губы.

– Подарок? А по какому случаю?

– К твоему дню рождения.

– У меня день рождения в ноябре, а сейчас еще только сентябрь, – замечает она язвительно.

– Так это еще к прошлому дню рождения, – быстро исправляется он.

– Ах, к прошлому!

Хелен смеется и, взяв коробку, рассматривает бусы.

– Очень красивые...

– Позволь, я проверю размер.

Он берет бусы из коробки и хочет надеть их на Хелен. В это время дверь позади них распахивается. Обернувшись,

Гленн вскакивает в испуге. На пороге – отец Хелен. Он полностью одет, в руке... охотничье ружье.

– Мистер Бергер... я только...

Он поспешно отступает назад и, потеряв равновесие, чуть не падает с лестницы, успев схватиться за перила. Хелен подхватывает его под руку, ее голубые глаза смеются.

– Спокойно, сынок.

Мистер Бергер проходит мимо по ступеням.

– Я всего лишь иду на охоту. На зайцев...

– Мне кажется, фрау Сэтерлэнд, он пришел в себя.

Женский голос обрывает его воспоминания. Но это не голос Хелен – чужой, суховатый, даже безразличный. К тому же говорят не по-английски. И хотя он с детства знает немецкий – на этом языке между собой частенько переговаривались его бабушка и мать, – он не сразу понимает смысл сказанного. Он приоткрыл глаза – веки как будто слиплись и кажутся тяжелыми. Яркий белый свет сразу ударяет в глаза. Серая тень, заметная на белой стене, движется в его сторону. Через мгновение она обретает реальные очертания. Высокая женщина в строгом черном платье и белом переднике с красным медицинским крестом наклоняется над ним. Из-под белой косынки виднеются подернутые сединой волосы. Взгляд серых глаз, окруженных мелкими морщинками, внимательный и серьезный. Ясно, что это медицинская сестра.

– Фрау Сэтерлэнд, – повторяет она, повернувшись в сторону. – Это совершенно точно. Он пришел в себя. Надо до-

ложить бригаденфюреру.

– Не будем торопиться, фрау Кнобель.

Еще один женский голос прозвучал позади него – ясно и близко, почти рядом. Этот голос был другой – немного низкий, как будто надломленный, но мягкий. Послышался глухой стук каблуков об пол, женщина подошла и встала рядом с сестрой, заслонив окно. Невысокого роста, в белом медицинском халате. Густые каштановые волосы скручены в узел на затылке. Красиво изогнутые темные брови чуть сдвинуты над переносицей, взгляд светлых, зеленоватых глаз – внимательный и спокойный. Она взяла его за руку, проверяя пульс.

– Да, вы совершенно правы, фрау Кнобель, – произнесла через мгновение. – Нашему пациенту лучше.

Она наклонилась и положила ладонь ему на лоб.

– Жар спал.

Он ясно ощутил мягкое прикосновение пальцев и тонкий запах вербены, исходящий от нее. На мгновение он почувствовал успокоение. Вдруг она повернулась к сестре. Белый воротник халата сместился – он увидел серую ткань мундира под ним и две буквы СС на черном фоне. Его точно поразила разряд электрического тока: «Плен! Плен! Я в плену! В немецком госпитале!» – эта мысль заполнила его сознание, он почувствовал сильную боль в затылке, окно за спиной женщины в белом халате закачалось, в нем в беспорядочном вихре кружились снежинки. Затем он снова увидел бледное лицо Хелен – широко распахнутые испуганные глаза, комья

мокрого снега, застывшие на спутанных волосах. Они ехали в свой первый гастрольный тур. Их пригласил владелец танцевального зала в Бостоне поиграть у него несколько вечеров.

После неудач и безденежья такое предложение казалось везеньем. Но в ноябре шли дожди, затем выпал снег, а ночной мороз превратил дороги в каток. Они попали в сугроб, сломали полуось. До Бостона пришлось добираться едва ли не пешком. Хелен сильно простудилась и попала в больницу. Тогда они узнали, что она никогда не сможет иметь детей.

Снег за окном кружился все быстрее. Растревожженный мозг беспорядочно подбрасывал картины из прошлого – давнего и того, что случилось недавно. Начало наступления союзников в Нормандии. Хлесткие заголовки газет: «Армии союзников штурмуют Францию!», «Кольцо танков и людей сжимается вокруг врага!», «Семь тысяч самолетов союзников над Францией!», «Париж освобожден!».

«Гленн, ваш оркестр обязательно должен выступить в рождественском концерте в зале „Олимпия!“ – он услышал голос генерала Арнольфа так, как будто он находился в той же комнате. – Этот концерт будет транслироваться на весь мир. Все должны узнать, что Париж свободен!»

Он подготовил для концерта новую мелодию – сюрприз для Хелен, – аранжировку песенки «Коричневый кувшинчик», которую она когда-то напевала в юности. И написал письмо: «Обязательно слушай рождественский концерт из

Парижа. Там будет для тебя сюрприз. И скажи моему другу Чамми, чтобы не брался за другую работу. Я уже думаю о том, что будет после войны. Осталось немного. У меня куча идей для новых аранжировок».

Он представлял себе, как Хелен улыбается, получив его письмо. Последнее воспоминание, которое приходит неожиданно, – сырой, затянутый туманом аэродром. На сырой взлетной полосе английской авиабазы «Твинвуд Фарм» – небольшой самолет «Норсман С-64». Туман настолько густой, что даже птицы уселись на ветки деревьев и под крыши домов. Он так и сказал генералу Арнольду перед взлетом: «Сэр, туман такой густой, что не видно птиц». «Ничего, ничего, Гленн, – генерал бодро похлопал его по плечу. – Долетите без происшествий. Подготовьте все к концерту. Надо снять жилье для музыкантов. Договориться о репетиции. Ваш оркестр прилетит завтра. Не вешайте нос! Вы же летите в Париж!» – генерал хохотнул и как-то игриво подмигнул, намекая. На что – Гленн как-то и не сообразил в тот момент.

Добраться до Парижа ему не удалось. Но, судя по тому, что у его постели стоит немецкий врач, туда он никогда уже не попадет и вряд ли когда-нибудь увидит Хелен и приемных детей, которых любит, как родных.

Моноплан не имел устройств, которые могли бы бороться с оледенением зимой, и потому они летели, прижимаясь к воде, стараясь не подниматься выше полосы тумана. Они сбились с курса и попали в запрещенную зону – во всяком

случае, об этом кричал пилот, и Гленн запомнил его полные ужаса глаза, когда он показывал наверх и, задыхаясь, повторял: «Ланкастеры», «ланкастеры»!

В этой зоне бомбардировщики, возвращающиеся с задания из Франции и не использовавшие свой груз, сбрасывали бомбы в Ла-Манш, так как садиться с неизрасходованным запасом бомб на аэродромы запрещалось инструкцией.

Бомбы летели сверху и взрывались под ними, маленький самолетик бросало из стороны в сторону. Он накренился вперед, ткнулся носом в воду, потом его снова подбросило вверх.

Гленн больно ударился головой. Что было дальше – он не мог вспомнить. Он оказался здесь, в немецком госпитале. И у его постели стоит врач с нашивками СС на воротнике мундира. Может быть, ему и не повезло, что он не оказался на дне Ла-Манша.

– Как ты считаешь, его можно допросить сегодня?

Приоткрыв дверь, оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени взглянул на пленного американца, неподвижно лежащего на кровати перед окном. Он был укрыт серо-коричневым клетчатым пледом, голова и руки перевязаны белоснежными бинтами.

– Не думаю, что это возможно.

Маренн подошла к нему и встала рядом.

– У раненого серьезное повреждение черепной кости в затылочной части, – добавила она вполголоса. – В результа-

те аварии произошло смещение обломков. К тому же он потерял много крови. А из-за несвоевременного оказания помощи развилось инфекционное заражение. Несколько дней держалась высокая температура, он бредил. Благодаря инъекциям пенициллина нам удалось подавить воспаление. Сегодня первый день, когда он пришел в себя. Однако его состояние все еще стабильно тяжелое. Я не могу позволить, чтобы его немедленно подвергли такому испытанию, как допрос. Стресс мгновенно ухудшит его состояние, а может привести к смерти. Нет, я возражаю, – заметила она решительно и закрыла дверь. – Надо подождать еще несколько дней.

– Американцы сообщали, что их известный тромбонист Гленн Миллер пропал без вести при перелете через Ла-Манш рано утром 15 декабря.

Скорцени подошел к окну и, щелкнув зажигалкой, закурил сигарету.

– Во всяком случае, концерт в зале «Олимпия» в Париже прошел без него. Место, где был обнаружен раненый, а также все расчеты, учитывающие время вылета самолета Миллера, предположительное время и место катастрофы, показывают, что в наши руки угодила именно он. Как тебе такое?

Скорцени повернулся к Маренн. Она только пожала плечами и села в кресло за рабочий стол, перебирая бумаги.

– Даже если это и так, что тебе от музыканта? – подняв голову, она взглянула на него с недоумением. – Ты хочешь,

чтобы он выступил с концертом перед нашими отступающими из Франции частями? Это новая идея Кальтенбруннера? Не думаю, что такое выступление будет иметь успех, — она грустно улыбнулась. — Его просто разорвут на части.

— Очень остроумно, фрау доктор, я не спорю.

Скорцени подошел сзади и положил руки ей на плечи.

— Однако у меня есть все основания полагать, что цель Миллера состояла не только в том, чтобы организовать концерт в Париже. И даже вовсе не в том — это только прикрытие. Он также имел тайное поручение генерала Арнольфа. Он вез при себе пакет, адресованный командующему нашим западным фронтом фельдмаршалу фон Рундштедту с предложением о прекращении огня и сдаче. Пакета, естественно, мы при нем не обнаружили. Но мне очень хотелось бы знать даже не столько, куда делся этот пакет, сколько то, через кого Миллер собирался выйти на Рундштедта, кто те люди в окружении фельдмаршала, которые решились на предательство, вступив в сговор с американцами.

— Очень странно. — Маренн с сомнением покачала головой. — У американцев не нашлось для Рундштедта посланника более опытного, чем джазовый музыкант?

— Напротив, это очень удачная кандидатура, — возразил Скорцени. — Его никто не заподозрит, вокруг него всегда много поклонников его музыки, любой агент легко может затеряться в толпе. Мало ли любителей джаза? Это может быть кто угодно: француз, завербованный американец, в конце

концов, даже немец, затаившийся в Париже и переодетый в гражданскую одежду, тот, кто хорошо говорит по-французски или по-английски. Никто не удивится новому человеку в окружении Миллера. Популярность его велика.

– Мне не так хорошо известны тонкости твоей работы, но ты прекрасно знаешь мои принципы. – Маренн наклонилась вперед, внимательно глядя на него. – Кем бы ни был этот человек, какое бы важное задание он ни выполнял, даже если это окажется сам Эйзенхауэр, в чем я очень сомневаюсь, – она едва заметно улыбнулась, – пока его жизни угрожает опасность, я не допущу никаких допросов.

– Однако важно время, ты не понимаешь? – бросив сигарету в пепельницу, Скорцени подошел к ней. – Ты не первый день в управлении.

– В каком управлении? – Маренн спросила с вызовом, глаза сердито блеснули. – В Управлении медицинской службы, смею напомнить, оберштурмбаннфюрер. Состояние раненого таково, что, можно быть уверенным, он вообще не отдаст себе отчета в том, что оказался в плену. Требуется время, чтобы подготовить его к этому открытию. И если сразу к нему явится посланец обергруппенфюрера Кальтенбруннера, и будьте-ка любезны, выкладывайте все начистоту. Для него это будет шок, который вполне может стать причиной того, что наступит летальный исход. И тогда все – никакого свидетеля, никакой информации вообще. В конце концов, если ты будешь настаивать, я обращусь к рейхсфюреру через

своего шефа Гербхардта.

– Скорее через супругу рейхсфюрера фрау Марту, с которой ты дружишь, – Скорцени кивнул головой. – В обход всех адъютантов и секретарей. Нисколько не сомневаюсь.

– У каждого свои способы достижения цели, – откинувшись на спинку кресла, Маренн пожала плечами. – Я не отрицаю.

– Кстати, наш общий шеф бригаденфюрер Шелленберг высказал неплохую мысль, – Скорцени сделал паузу и отошел к окну. – Он хочет, чтобы первый допрос, точнее, беседа с раненым провела ты. – Он быстро взглянул на Маренн, обернувшись.

– Этот день надо запомнить! – она лишь слегка приподняла брови, выражая удивление. – Ты согласился с Шелленбергом. И вдруг выяснилось, что и у Вальтера случаются озарения.

– Не язви. Не так уж часто я спорю с Шелленбергом. Мы не можем терять время, а это самый щадящий вариант для твоего подопечного. Он избежит потрясения, как ты выражаешься, а мы получим информацию, которая нам остро необходима. Что скажешь?

Он повернулся к Маренн.

– Ты знаешь, я не люблю отвлекаться от своей работы и выполнять поручения, которые весьма далеки от нее, а иногда и прямо ей противоречат, – она произнесла задумчиво. – Но в данном случае я и сама не вижу другого вы-

хода, — она вздохнула. — Уж лучше так, чем то, что требует Кальтенбруннер. Придется мне одновременно поработать и доктором, и следователем. Однако, что я знаю наверняка, — она неожиданно улыбнулась, — так это то, что если выяснится что это и в самом деле Гленн Миллер, Джилл будет очень рада и обязательно придет его навестить. Ей нравится его музыка. Особенно «Серенада лунного света».

— Ну-ну. — Скорцени усмехнулся. — Когда он пойдет на поправку, не забудьте принести ему тромбон. Он вам еще устроит концерт в благодарность за заботу.

— Ну, я очень надеюсь, что какой-нибудь взбалмошный приказ Кальтенбруннера не внесет изменений в мой курс лечения, — согласилась Маренн. — Например, не объявится Мюллер со своими асами выбивать показания. Если речь идет о неких врагах, законспирированных в окружении Рундштедта, он вполне может подключиться.

— Это исключено, — ответил Скорцени уверенно. — Все останется внутри нашего управления. Шелленберг об этом позаботится, а я его поддержу. Это будет второй редкий случай, когда наши с ним мнения совпадут полностью, — добавил он с сарказмом.

— Я же сказала, что сегодняшней день надо запомнить.

— Внимание, приготовились к записи! Раз, два, три, четыре...

Свет в студии погас, темноту рассеивали лишь бледные огоньки лампочек над нотами музыкантов. На экране появи-

лись кадры из фильма. Гленн поднял руку – музыка заиграла. Краем глаза он видел, как Хелен тихо пробралась в студию и присела на стул у двери. В руках она держала несколько писем – он даже догадывался, что это за письма. Точнее, одно из них. Две недели назад он послал письмо в военное министерство с просьбой отправить его и его музыкантов в Европу, чтобы они могли своей игрой поднимать боевой дух американских частей, базирующихся на Британских островах. И вот, видимо, получен ответ. Он был уверен, что получил согласие. Но как сказать об этом Хелен? Он с тревогой поглядывал на нее. Лицо у нее было спокойное, но немного грустное. Тем временем фрагмент фильма закончился, музыка стихла. Как ему показалось, получилось неплохо.

– Хорошо, оставляем! Небольшой перерыв! – объявил он и направился к Хелен.

– Привет!

Она наклонилась, и он чмокнул ее в щеку.

– Я как-то не ждал, что ты придешь, – сказал смущенно и сел рядом.

– Я подумала, что ты захочешь пригласить меня на ланч, – она слегка улыбнулась. – Вот почта, – она передала письма Гленну. – Я прихватила их с собой. Мне кажется, здесь есть что-то важное.

– Да, да, ты права, – согласился Гленн неуверенно и, чтобы не встречаться взглядом с женой, повернулся к оркестру: – Чамми, у нас мало времени! Сейчас будем записывать

пластинку. Начинайте репетировать!

– О'кей, Гленн!

Музыка снова заиграла, он сразу почувствовал, что ему стало как-то легче.

– Я хотел тебе сказать, – он снова повернулся к Хелен. – Я...

– Мистер Миллер, в два часа вас ждут на примерку концертного костюма, – к нему подскочил секретарь с блокнотом в руке.

– Да, да, спасибо, – он кивнул, все еще не зная, как сообщить Хелен новость.

– Я собственно, ты понимаешь, – начал он уже по третьему разу. – Этот фильм, – он кивнул на темный экран за спиной, – записи пластинок, все это приносит доход. Дела идут неплохо. В любом случае ты и дети будете обеспечены...

– Мистер Миллер, только что позвонили, – снова подскочил секретарь. – Запись на радио в пять часов вечера.

– Да, да, хорошо. – Гленн кивнул, чувствуя раздражение, – его опять сбили с мысли.

– Я так понимаю, что это письмо из военного ведомства, – Хелен кивнула на один из конвертов. – И, скорее всего, речь там идет о присвоении звания. Ты подал заявление в армию...

– Да, я не знал, как тебе сказать.

Гленн выдохнул с облегчением – как всегда, Хелен быстрее него нашла выход из трудного положения.

– Я понимаю, ты расстроена, – добавил он виновато и взял ее за руку.

– Я знала уже с полгода, что именно так и будет, – ответила она неожиданно. Голос ее звучал спокойно, но рука слегка вздрогнула, он почувствовал это.

– Ты знала с полгода, – он растерялся. – Как же так? Я подал заявление только две недели назад.

– Да, я расстроена, – подтвердила она. – Но я еще больше расстроилась бы, если бы ты этого не сделал. Ну, не трати время, открывай. Я хочу знать, как тебя называть теперь, – она кивнула на конверт и даже заставила себя улыбнуться. Правда, получилось как-то неловко.

Он разорвал конверт, пробежал глазами строчки.

– Капитан Гленн Миллер, – прочел он вслух. – Личный номер 54505273.

Он снова взглянул на Хелен. В глазах у нее стояли слезы. И она не скрывала их.

– Когда же уезжаете, капитан Гленн Миллер? – спросила она негромко.

– Обычно это занимает не более месяца, – ответил он и снова наклонился к ней, глядя по руке. – Понимаешь, большинство моих ребят в армии. Мы создадим оркестр, будем выступать перед солдатами. Это напомнит им о доме. О том, что их любят и ждут. Им сейчас это очень надо.

– Я понимаю, Гленн.

Хелен кивнула, смахнув со щеки слезу.

– Я думаю, тебе очень пойдет военная форма, – согласилась она.

– Сэр, мы так и будем играть эти марши?

Спустя полтора месяца он уже стоял перед полковником Стоуном, своим командиром, и слушал наставления, как надо играть на плацу, чтобы войскам было удобно маршировать, – звучало все это удручающе.

– А что вас не устраивает, Миллер? – Стоун только недоуменно пожал плечами. – Армия сто лет марширует под такую музыку, и всем все нравится. Мы не будем ничего менять! – заявил Стоун решительно.

Во время смотра Гленн с грустью смотрел, как его музыканты вынуждены играть то, что совсем не привыкли, а заодно и на хмурые лица солдат, маршировавших под их музыку перед трибуной с начальством, прибывшим из Вашингтона. Такого равнодушия публики ему еще не приходилось встречать. Воспользовавшись тем, что между марширующими колоннами образовался зазор, Гленн бросился бегом через плац к оркестру.

– Куда! – зашипел сзади Стоун. Но Гленн только махнул рукой на него. Несколько знакомых движений дирижера – и вот уже вместо марша над колоннами зазвучал... блюз. Музыканты явно оживились и повеселели. Гленн боялся обернуться к генеральской трибуне. Он не сомневался, что после парада его ожидает серьезная взбучка. Зато люди в строю улыбались, шагали явно бодрее, а некоторые, особо экспан-

сивные, даже пританцовывали.

– За двадцать семь лет службы в армии я еще не сталкивался с более возмутительным нарушением военной дисциплины!

Голос полковника Стоуна гремел в кабинете, он весь напрыгав в кресле, лицо побагровело, на лбу выступила испарина.

– Офицер пробегает между марширующими колоннами. А затем приказывает оркестру играть блюз! Вы хоть понимаете, Миллер, что вы опозорили нашу часть перед генералом Арнольфом, – Стоун угрожающе наклонился к нему, его узкие серые глаза буквально сверлили Гленна, но Гленн выдержал его взгляд. – В каком свете вы нас представили? Как мы теперь будем выглядеть перед генералом Арнольфом?

– У меня не было намерения сделать ничего дурного, сэр, – ответил Гленн невозмутимо.

– А какое было? – с насмешкой спросил Стоун, откинувшись на спинку кресла. – Выпендриться перед начальством?

– Люди казались уставшими, а им предстоит еще передислокация, – Гленн пожал плечами, ему вообще-то не хотелось оправдываться.

– Состояние людей – это моя забота, – резко оборвал его Стоун. – Ставлю вас в известность, капитан Миллер, что за ваше поведение вас ожидает очень серьезное взыскание, – предупредил он.

– Полковник Стоун, я хотел попрощаться.

Дверь за спиной Гленна открылась. Он услышал немного хрипловатый голос генерала Арнольфа. Стоун вскочил, одергивая мундир. Генерал вошел в кабинет.

– Мы возвращаемся в Вашингтон. Мне все понравилось, вы молодцом, Стоун.

Генерал пожал полковнику руку, затем повернулся к Миллеру.

– Особенно хочу отметить вас, капитан. Ваш блюз вызвал огромный моральный подъем, это было заметно. Солдаты слышали то, что они любят. Это им напомнило о доме. Эффект был просто поразительный. Так держать, капитан Миллер! – Генерал одобритительно похлопал Гленна по плечу.

– Слушаюсь, сэр! – ответил тот бодро, успев заметить, как брови на лице Стоуна почти исчезли под волосами от изумления. Он выглядел ошарашенным, точно не верил собственным ушам.

– Я и сам люблю вашу музыку, – признался Арнольф, направляясь к выходу. – Сразу вспоминаю семью. Мои дети крутили ваши пластинки день и ночь.

– Я бы хотел, сэр, чтобы мне разрешили играть с оркестром ту музыку, которую мы считаем нужным, – быстро предложил Гленн, упускать выгодный момент было нельзя, тем более что Стоун как палку проглотил – не произносил ни звука. – Это способствовало бы поднятию духа войск. Мы хотели бы ездить также по госпиталям, выступать перед ранеными, – предложил он. – Нас с удовольствием бы поддер-

жали многие певцы и вокальные группы, я уверен. Мы можем принести большую пользу, сэр.

Генерал Арнольф на мгновение задумался. Затем кивнул.

– Да, я согласен с вами, Миллер. Пожалуй, я постараюсь добиться этого в Вашингтоне.

– Спасибо, сэр.

Так они встретились, музыкант Гленн Миллер и пятизвездочный генерал Джефффри Арнольф. Коренастый, подтянутый Арнольф, с широким скуластым лицом произвел на Гленна приятное впечатление. К тому же – умен, к тому же – поклонник его музыки.

Гленн даже не мог предположить ни тогда, в начале сорок четвертого года, ни чуть позднее, в апреле, когда генерал Арнольф помог ему устроить небольшой отпуск, чтобы повидаться с Хелен и детьми, что расположение высокопоставленного военного обернется для него катастрофой. Сначала его попросят выполнить поручение, весьма далекое от его музыкальных занятий, а в результате – может быть, и не случайно – он окажется в немецком плену.

Почему-то Гленну настойчиво думалось сейчас, что «ланкастеры» оказались совершенно не случайно в той самой зоне, в которой пролетал их самолет, и в то самое время. Ему врезалось в память белое как снег лицо пилота – он явно не допускал даже мысли, что такое может произойти, на них обрушатся бомбы. Его расширенные, мутные глаза перед тем, как все померкло. Он шевелил губами, точно что-то хотел

сказать Гленну, но вместо слов из груди вырывался хрип.

Видимо, он понял, что бомбы бросали намеренно, обставив все так, как будто произошла случайная ошибка. Они были приговорены, их хотели убить. Точнее, убить хотели его. Но за что? Что он узнал ненароком такого, чего ему нельзя было знать? Он не мог ответить себе на этот вопрос. Его не покидало чувство, что он вот-вот должен был что-то вспомнить, что-то такое мелькало в памяти, что-то смутное, неопределенное. Какая-то встреча, какой-то разговор, которому он оказался невольным свидетелем.

Но, когда ему казалось, что вот-вот он найдет ответ, все исчезало, резкая боль в затылке заставляла сжать зубы, память обрывалась. Сознание тупо топталось вокруг одних и тех же никчемных мыслей, точно буксовало. Потом он проваливался в небытие, и образы знакомых ему людей, только что наполнявших его мысли, немедленно сменялись фантазмагорическими картинками бреда.

Второй вопрос, который волновал Гленна: что ждет его в немецком плену? Увидит ли он когда-либо снова Хелен и детей? Или, может быть, ему стоит позавидовать пилотам «Норсмана», что они оказались на дне Ла-Манша?

То, что его узнают, в этом не могло быть сомнения. И вряд ли с музыкантом гитлеровские служаки будут обращаться мягче, чем с кадровыми военными, попавшими в плен.

Он уже внутренне готовился к допросам и даже пыткам, но пока в его палате никто не появлялся, кроме средних лет

медсестры, очень пунктуальной и аккуратной, а также женщины-врача, навещавшей его дважды в сутки.

По представлениям Гленна, она совсем не принадлежала к тому типу женщин, который так превозносили пропагандисты Третьего рейха. Скорее она была похожа на французенку и даже американку – тонкая, стройная, с копной темно-каштановых волос, связанных в узел на затылке, и с красивыми, зеленоватыми глазами, которые смотрели на Гленна с заботой и сочувствием.

Она осматривала его рану, давала указания медсестре. С Гленном она не разговаривала ни разу. И медсестра тоже молчала, только скрупулезно выполняла свою работу. Но почему-то у Гленна сложилось впечатление, что, если он пожелает заговорить с доктором, она не удивится и ему даже не придется вспоминать немецкий, она ответит ему по-английски. И он вполне допускал, что она намеренно хранит молчание и ждет, что он заговорит первым, так как не хочет, чтобы от волнения его состояние ухудшилось.

На подоконнике за окном послышался стук – две резвые синички, перепрыгивая одна другую, проскакали по покрытому инеем железу, одна из них несколько раз ударила клювом в окно. Затем они дружно перескочили на запорошенную снегом елку, на нижней ветке которой болталась сделанная из картона кормушка.

За дверью послышались шаги – в палату снова вошла доктор. Чуть приподняв голову, Гленн взглянул на нее, затем

снова опустил голову на подушку. Доктор подошла к его постели. Достав из кармана халата очки в тонкой оправе, надела их, пробежала взглядом отчет о проведенных утром процедурах, затем сняла очки, ее зеленые глаза, окруженные едва заметными мелкими морщинками, взглянули на него. Он не стал делать вид, что спит или не замечает ее взгляда.

– Я в немецком госпитале? – спросил по-английски. – Как я сюда попал? Я ничего не помню, – признался тихо.

– Да, вы в немецком госпитале, более того, вы в Берлине, – ответила она спокойно и, взяв его запястье, замолчала на мгновение, слушая пульс.

– В Берлине? – изумился он и даже сделал попытку приподняться на локте.

– Нет, нет, лежите. – Она прикоснулась пальцами к его плечу, заставляя снова принять прежнее положение. – Я понимаю ваши чувства. – Она присела на стул рядом с кроватью. – Вы предполагали оказаться в Париже, а оказались в Берлине, тут есть от чего заволноваться, – ее тонкие бледные губы слегка дрогнули, она улыбнулась.

– Но как это случилось? – спросил он и недоуменно пожал плечами. – Последнее, что я помню, – это широкая серая гладь воды внизу, мы падали с огромной скоростью, потом удар – и все. Это случилось над Ла-Маншем. Мы должны были упасть в воду. Кто-либо выжил кроме меня?

– Мне это неизвестно, – темные брови немки слегка приподнялись в удивлении. – Вас нашли не в воде, вас нашли

на берегу. Вода в это время холодная, и если бы вы провели все это время в воде, вы бы не выжили, — сообщила она и тут же добавила, заметив, что в его глазах мелькнули недоверие и страх: — Вам повезло, вместе с обломком самолета вы зацепились за разбитую баржу, которую прибило к берегу. Ваше тело находилось над водой, а не в воде, поэтому вы остались в живых.

— Сколько же я находился в воде?

— Не думаю, что очень долго. Вам повезло, что мы вас довольно быстро обнаружили. Температура воды в Ла-Манше в декабре не более плюс пяти градусов. При такой температуре человек может выдержать в лучшем случае полчаса. Резкое охлаждение приводит к перебоям дыхания и нарушению кровообращения. В результате сердце останавливается и наступает смерть. Судя по вашему состоянию, в самой воде вы находились минут семь — десять, не больше, пока вас несло течение к берегу, а затем выбросило на обломок баржи, который уже благополучно доставил вас к нам в руки. Мы сразу оказали вам помощь, растерли спиртом, но и сегодня я не могу назвать ваше положение устойчивым и безопасным для здоровья, — она сделала паузу, затем продолжила: — При падении вы получили довольно серьезное повреждение в затылочной части головы, в рану попали осколки плексигласа, части материи — развилось заражение, из-за чего поднялась высокая температура. Сейчас этот процесс нам удалось подавить, но я не могу вам обещать, что вы быстро пойдете на

поправку.

– Я не помню, как я оказался на берегу, – Гленн растерянно пожал плечами. – Сколько же я был без сознания?

– Сразу после падения в воду – часа полтора, не больше, – ответила она. – Надо благодарить случай и течение, которое направило баржу к берегу. Во всяком случае, по данным американцев, ваш самолет пропал из поля зрения около девяти часов утра 15 декабря. Мы нашли вас около полудня недалеко от церкви в Арроманше. Нашим агентам пришлось прокатиться так далеко. – Она снова улыбнулась. – Но их расторопность спасла вам жизнь.

– Но Арроманш – это Нормандия, там находятся англо-американские войска, – заметил Гленн с недоумением.

– Наши агенты были одеты в американскую форму и прекрасно говорили по-английски, – сообщила она. – Мы следили за вами, мистер Миллер. Мы ждали вас в Париже, но, когда поняли, что самолет потерпел аварию, немедленно приказали нашим агентам обыскать побережье. Мы сделали это быстрее ваших начальников, Гленн. Им, правда, было не до того. Вы, верно, не знаете, Гленн, но 16 декабря началось крупное наступление наших войск в Арденнах. Американским генералам стало не до музыки, фронт был прорван, а в тылу повсюду хозяйничали диверсанты, переодетые в американскую форму. Именно они и доставили вас сначала в полевой госпиталь дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», где вы попали ко мне на операционный стол, ну а потом уж

мы переправили вас в Берлин.

– Я вижу, вы знаете, кто я, – Гленн начал осторожно, – тогда позвольте спросить: для чего я понадобился немецким диверсантам? Ведь я всего лишь музыкант.

– Вы узнаете об этом в самом ближайшем будущем, Гленн, – ответила она мягко. – Но сейчас нам еще рано об этом разговаривать. Вам надо окрепнуть. Сейчас вы плохой собеседник на серьезные темы.

Она встала, подошла к окну, глядя на покрытые снегом ели за окном.

– Тогда скажите хотя бы какой сегодня день. Как долго я нахожусь здесь, – попросил он. – Надеюсь, это не секрет.

– Вовсе нет. – Она повернулась. – Сегодня тридцатое декабря. Скоро наступит новый 1945 год. Прошло пятнадцать дней, Гленн. Вы должны радоваться, что вы живы.

– Я никогда не вернусь в Нью-Йорк? Никогда не увижу Хелен, – он отважился спросить и с волнением ждал ответа.

– На этот счет я ничего не могу вам обещать, – ответила доктор сухо. – Как вы понимаете, это не в моей компетенции, – затем взглянула на часы. – Сейчас придет сестра, пора принимать лекарства и провести перевязку. Я снова навещу вас чуть позже, Гленн, – пообещала она.

Каблуки глухо простучали по полу, она вышла из палаты. Ее голос еще несколько мгновений звучал в его памяти. «Это не в моей компетенции... Сегодня тридцатое декабря. Скоро наступит новый 1945 год...»

Он закрыл глаза. В ушах нарастал какой-то шум, похожий то ли на отдаленный шум винтов самолета, то ли на плеск волн. Гленн почувствовал, как его бросило в жар. На лбу выступила испарина.

Вдруг совершенно ясно, как на киноэкране, он увидел склонившегося над ним солдата, лицо которого скрывала камуфляжная сетка, спускающаяся с каски. Он приподнял его голову, затем перевернул его на спину. Обернувшись, что-то крикнул назад, позвал кого-то. Послышался скрип гальки под ногами, кто-то подбежал. Голос, тот самый женский голос, который только что звучал в его палате, донесся до него тогда, но он не мог различить слов. Он словно устремлялся вдаль, куда-то к высоким готическим шпилям аббатства, плывущим на фоне темно-серых облаков над прибрежными скалами.

Кто-то осторожно взял его за плечи, он почувствовал тонкий аромат аниса и еще каких-то трав. Он поднял голову, чтобы взглянуть на того, кто присел на корточки сбоку, рядом с солдатом, но успел заметить только длинные тонкие пальцы с коротко остриженными ногтями.

Сильная боль в затылке заставила его застонать. В глазах замелькали цветные круги, затем все померкло – он потерял сознание. Тающие человеческие голоса, чей-то смех, очень похожий на смех Хелен, отдаленный собачий лай. Сейчас он ясно вспомнил те мгновения. Он не сомневался, что все, что рассказала ему немецкий доктор, – правда. Это она нашла

его на берегу, и он слышал ее голос.

– Признаться, когда ты нашел его на этой барже, я подумал, что этот музыкант уже не жилец на свете, – заметил Скорцени серьезно и повернулся к адъютанту, стоявшему рядом с рабочим столом. – В какой-то момент я пожалел, что мы зря рисковали, отыскивая его на побережье.

– Мне тоже показалось сперва, что он – мертвец, – согласился Раух, выкладывая на стол из папки документы, только что доставленные из канцелярии бригаденфюрера. – Во всяком случае, зрачки на свет фонарика не среагировали. Но, когда я поднес платок к его носу, я понял, что он дышит. Ну а дальше я уже не сомневался, что, раз он еще не помер, Маренн точно вытащит его. Мы успели вовремя. Опоздай мы минут на двадцать, парню пришел бы конец. Айстофель первым увидел его. – Раух потрепал по загривку немецкую овчарку, лежавшую перед столом. – И сразу понесся с лаем. Я еле успевал за ним.

– Ну как, живой?

Маренн подбежала и, упав на колени в мокрый песок, осторожно приподняла голову раненого. Серые с желтоватой пеной волны Ла-Манша накатывались совсем близко, шурша галькой.

– Мне кажется, что да. Вроде дышит, – подтвердил Раух.

Она сбросила каску и, расстегнув мундир раненого, приложила ухо к его груди. Холодный ветер трепал ее темно-каштановые волосы, выбившиеся из узла на затылке, на

них поблескивали капли влаги. Вольф-Айстофель, черно-серая овчарка, нетерпеливо елозил на песке рядом и вилял хвостом, радостный, что первым обнаружил «добычу».

Не утерпев, он лизнул Маренн в щеку, ожидая поощрения. Она погладила его между ушами. Чайка, распластав крылья, пронеслась с криком над их головами и унеслась к стрельчатой громаде собора, возвышающейся невдалеке над обрывом.

– Да, ты прав, сердечный ритм есть, – повернувшись, Маренн серьезно взглянула на Рауха. – Нашему музыканту повезло. Надо срочно везти его в госпиталь.

– Сейчас я распоряжусь.

Он быстро встал, сделав знак, позвал двух десантников.

– Я доложу оберштурмбаннфюреру.

Подхватив автомат, Раух по песку побежал к острому меловому выступу, за которым остались Скорцени и основная группа. Десантники осторожно подняли раненого, перенесли его на носилки. Маренн приподняла голову американца, чтобы ему было легче дышать. Затем обернулась – Раух уже был рядом с выступом. Ветер бросил ей в лицо прядь волос, она откинула их назад. Фриц тоже остановился и обернулся. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом она спохватилась.

– Быстро уносим его, – приказала она десанникам, кивнув на американца. – Пока его не хватились его соотечественники. Айстофель – вперед!

– Я не понимаю, что хотят от этого музыканта Шелленберг и Гиммлер.

Отложив газету «Фелькишер беобахтер», Альфред Науайкс подошел к столу и, налив в чашку кофе из кофейника, сел напротив Скорцени.

– Тоже мне поймали агента! Они бы еще за Диной Вашингтон выслали десант. Ни много ни мало – «королева блюза». Какой с них толк? Только что устроить тут концерт для ознакомления с музыкой противника. Так она и так всем известна. К тому же доктор Геббельс никакой открытой популяризации джаза не допустит. Так, в ресторанах, он как будто и не видит, и не слышит ничего. Но если официально – это исключается. Ну, даже если и имел этот Миллер какое-то секретное поручение от генерала Арнольфа, должен был кому-то что-то передать в Париже для фельдмаршала Рундштедта, его ведь наверняка использовали вслепую. Не знает он, как его ни тряси, ни заговорщиков вокруг фельдмаршала, ни кто из них поддерживает связи с союзниками. Это Мюллер, шеф гестапо, знает лучше него в тысячу раз. И Гиммлеру не надо никаких музыкантов захватывать, Мюллера вызови – он все доложит. У него все армейские под плотным колпаком после покушения на фюрера, не шевельнешься без его ведома, везде агенты и прослушка. Тогда что еще? Торговаться этим Миллером после того, как все рухнет. Мол, мы вам вашего джазмена, а вы нам жизнь сохраните. Что-то я не верю, что им очень этот джазмен нужен. –

Альфред криво усмехнулся. – У них там таких джазменов – тьма. Про него все забудут через несколько месяцев. Других будут слушать.

– Можно бы и Дину Вашингтон, как ты предлагаешь, – ответил Скорцени с иронией. – Да только Дина Вашингтон – негритянка, если я не ошибаюсь. Это для нашего рейхсфюрера чересчур большое испытание. Черная женщина – нет, нет, это оскорбление всех его расовых представлений. Когда мы готовили десантников для операции в Арденнах, встал вопрос, что наше подразделение как его ни экипируй в американское обмундирование, как ни вооружай американской техникой, от истинных янки легко будет отличить хотя бы потому, что в нем нет ни одного негра. Шелленберг даже предлагал взять кое-кого из дивизии «Ханджар», там есть черные марокканцы. Но рейхсфюрер и слышать не захотел. «Вы же отправляетесь в американский тыл не на год и даже не на полгода, – отрезал он. – А всего лишь на неделю. Кто там поймет в суматохе, есть у вас негры в составе или нет». У него к расовой чистоте очень трепетное отношение, сам знаешь.

– Все равно цель мне неясна. – Науйокс отрицательно покачал головой и, чиркнув зажигалкой, закурил сигарету. – Бросок в Дюнкерк из района Льежа, а оттуда вдоль всего побережья до Арроманша – это большой риск. Даже в условиях паники, которой были охвачены союзники после начала наступления в Арденнах, даже учитывая все американское го-

ловотяпство и шапкозакидательские настроения после удачной высадки в Нормандии, это очень долгий путь, на котором могло произойти все что угодно. Это мало того, что надо еще было вернуться в Аррас да и довезти этого Миллера, чтобы он не помер по дороге. Так вот я и спрашиваю: это для чего все? Для чего рисковать отборными кадрами? Янки-то очухались быстро, контрразведка заработала. Насколько я понимаю, в планах операции никакого Миллера не стояло.

– Зато там значился захват генерала Эйзенхауэра, а его мы проспали, – ответил Скорцени раздраженно и затушил сигарету в пепельнице.

– Мы планировали убрать Эйзенхауэра накануне начала главного наступления в Арденнах, в ночь на шестнадцатое декабря. Это бы деморализовало американцев, облегчив нашим войскам продвижение. Все было подготовлено. Из Льежа мы тайно добрались до пригородов Парижа и спрятались в доме Маренн в Версале. Штаб Эйзенхауэра располагался там же, недалеко. Было задумано, что Рауха доставят в Версаль как пойманного диверсанта прямо в штаб Эйзенхауэра. Он потребует, чтобы его представили самому генералу, так как у него есть важная информация. А там, оказавшись в кабинете, он покончит с ним. Для этого у Фрица при себе было взрывное устройство, специально разработанное Цилле и спрятанное так, что американцы его бы не обнаружили. Но все пошло не так, как мы предполагали, – заметил Скорце-

ни разочарованно. — Американцы нас опередили. Они бросили информацию, что Эйзенхауэр будет проводить совещание в Вердене и выезжает туда. Пока мы проверяли, дезинформация это или нет, Эйзенхауэр уехал другой дорогой, а нам достался только его двойник, которого нам намеренно подсунули. Постреляли впустую, только раскрыли себя. Было ясно, что рейхсфюрер будет в ярости, и Шелленберг дал понять, что не надо торопиться докладывать о провале. Надо предпринять еще какие-то действия, которые скрасят эту оплошность. Иначе все мы лишимся своих постов. Вот тогда и возник этот Миллер в качестве компенсации. Его вели наши люди, было известно, что он собирается встретиться в Париже с посланцем фельдмаршала Рундштедта, чтобы передать ему послание генерала Арнольфа. Мы рассчитывали захватить его в Париже и даже подготовили проститутку, которая заманит его к нам в лапы. Но, когда выяснилось, что Миллер до Франции не долетел, что его самолет потерпел крушение, мы бросились на поиски, благо мы были в районе Парижа, и это оказалось не очень далеко. Тут уж мы не опоздали. Во всяком случае, Шелленбергу есть о чем отчитаться. Крупную птицу упустили, но захватили поменьше. Тоже добыча. Вкупе с прочими нашими достижениями по дестабилизации ситуации в тылу противника рейхсфюрер вроде бы доволен.

— И все пока при чинах и званиях. Ясно. — Алик усмехнулся. — Но я так и не получил ответа на вопрос, что даль-

ше с этим Миллером? Подлежат, выступит с концертом и – в лагерь? Дождаться конца войны?

– Не знаю. – Скорцени пожал плечами. – Кальтенбруннеру пришла в голову мысль сделать из него агента. Но не так обыденно, что перевербовать, а потом заслать его обратно в Штаты, чтобы получать от него информацию. Тут еще неизвестно, кому эта информация пригодится, особенно с учетом провала Арденнского наступления и начала наступления большевиков на Восточном фронте. Ему ученые подсунули какие-то новые биологические разработки, которые якобы позволяют полностью перепрограммировать личность человека. И он ищет подопытного, на ком испытать эти новшества. Идея его состоит в том, чтобы создать агента, который мог бы заместить высокопоставленного функционера в большевистской верхушке, а потом провести его в самое руководство партией. И таким образом как он считает, мы получим возможность влиять на действия нашего главного противника.

– Кальтенбруннер, он что, с ума сошел? – Алик спросил негромко, наклонившись вперед. – Я понимаю, наступление провалилось, большевики, напротив, перехватили инициативу. Перспектива не из радостных. Но это же еще не повод, чтобы рехнуться. Кого и куда он собирается продвигать? Большевики уже на границах рейха. Пока он готовит такого агента, мы тут сами все станем биологическим материалом для большевистских опытов, если наши вояки не приду-

мают что-то сверхъестественное. Сам Кальтенбруннер-то где окажется, чтобы агента продвигать, вот что мне любопытно узнать? Как бы его большевистские вожди не съели живьем на завтрак. Или агент уже без него будет действовать? Мол, его так запрограммируют, что он сто лет сможет отрабатывать без участия «хозяина»?

– Пока все эти детали неизвестны, – ответил Скорцени задумчиво. – Но Эрнест уже доложил рейхсфюреру. Тому идея понравилась. И он собирается доложить фюреру. Всем известно, как он любит похвастать достижениями, которые превозносят арийскую расу. Вот создали суперагента, кто еще на такое способен? У фюрера явно поднимается настроение. А раз есть такая перспектива еще раз продемонстрировать, как они верны идеям фюрера и как они для него стараются, они уж не откажутся от идеи, какой бы сумасшедшей она ни оказалась.

– Ну а музыкант-то тут при чем? – спросил Алик недоуменно.

– При том, что необходимо внешнее сходство. Все эти разработки способны изменить личность, исправить память, даже заставить человека говорить на другом языке, как на родном, и забыть свой собственный. Но они не могут изменить его внешность. Тут нужна пластическая хирургия. Но это опасно. Агенту предстоит жить в чужой стране много лет, он будет обращаться к врачам, а на его уровне все они – стукачи НКВД. Внешние изменения легко заметить, это не удастся

скрыть, вся игра будет сломана, не успев начаться. Поэтому пластика потребуется, но самая минимальная. Нужно максимальное внешнее сходство с объектом. А, как утверждает Мюллер, этот музыкант очень похож на одного большевистского партийного деятеля, и он уже предоставил Кальтенбруннеру его фото.

– Да, парню не позавидуешь. – Науйокс присвистнул. – Наверное, знай он, что его ждет, он бы предпочел оказаться на дне Ла-Манша. Это все равно что смерть. Он перестанет быть собой. Забудет свой дом, своих родных и близких, всех, кого он любил, кто был ему дорог. Забудет даже родной язык. Превратить знаменитого джазового музыканта, талантливого человека в какого-то заурядного сталинского начальника. Даже у меня это вызывает сочувствие, хотя с чем только ни приходилось сталкиваться за эти годы. Неужели Маренн позволит все это? Не думаю, что Кальтенбруннеру удастся все это провернуть в обход нее. А она возмутится, я уверен. И привлечет на свою сторону Шелленберга. Как обычно, – Алик многозначительно посмотрел на Скорцени.

– Это не исключено, – Скорцени опустил голову. – Но неизвестно, чью сторону на этот раз займет Гиммлер.

Желтая бабочка между оконными рамами лежала, распластав крылья. А за окном крупными хлопьями падал снег. Деревья в саду стояли неподвижно, укутанные в снежные покрывала. Утреннюю тишину нарушали редкие крики ворон, которые, перепрыгивая с ветки на ветку, стряхивали

снег, и он беззвучно опадал на землю. Подойдя к окну, Маренн отодвинула тяжелую фиолетовую штору и наклонилась к стеклу, рассматривая бабочку.

— Она залетела сюда случайно в ясный летний день, когда окно было открыто, — произнесла она негромко. — А вылететь уже не смогла. Так и осталась здесь — напоминанием о лете в холодный зимний день. Это могло быть совсем недавно, прошлым летом, когда Женестьева мыла окна в моей детской комнате, а могло быть и давно, еще тогда, когда я была ребенком, просто я этого не заметила. Как ты думаешь? — она повернулась к Рауху. Он стоял за ее спиной, глядя на заснеженный сад.

— Я сомневаюсь, что этой бабочке столько лет. — Фриц пожал плечами. — Она давно бы истлела. Скорее всего, запорхнула осенью, где-нибудь в сентябре.

— Ты прав, конечно. — Маренн улыбнулась и прислонилась виском к его плечу. — Но хочется думать, что это посланница из моего детства. Жаль, что Отто запретил зажигать свет в целях маскировки. Я бы хотела показать тебе мои детские рисунки и фотографии Штефана, когда он был совсем маленьким. Женестьева все заботливо хранит. А я помню каждую царапину на старинной мебели, которую я оставила, играя, и за которую моя воспитательница австрийская графиня Гизелла Шантал меня ругала. Правда, обычно недолго.

— Твоя домоправительница всерьез испугалась, когда к ней в дом вдруг ввалился целый отряд «американцев», раз-

говаривавших по-немецки. – Раух повернул ее голову к себе и, глядя в прозрачные зеленоватые глаза, убрал темный локон, упавший ей на щеку. – По-моему, она до сих пор еще не пришла в себя от нашего визита, хотя и старается не показывать вида.

– Да, для Женеьевы это была неожиданность, – согласилась Маренн. – Но ее семья живет в этом доме не один век, столько же практически, сколько здесь живут и Монморанси, а это, считай, еще с царствования короля Людовика Четырнадцатого. Они привыкли ничему не удивляться. Эта привычка передается у них по наследству. Женеьева знает, что я нахожусь сейчас в рейхе, и вполне отдает себе отчет, что, когда по соседству с нашим домом расположился штаб американского генерала, я не имею возможности заранее предупредить о ее приезде из Берлина.

Она сделала паузу. Затем, отстранившись, повернулась, глядя ему в лицо. Спросила прямо.

– Отто сказал, ты будешь изображать пленного и постараться добиться того, чтобы тебя доставили на допрос к самому Эйзенхауэру. Цилле изготовил взрывчатку, которую ты спрячешь при себе и используешь в подходящий момент. Это значит, что ты, – она запнулась. – Ты не успеешь, – длинные темные ресницы дрогнули, она никак не решалась произнести вслух мысль, которая отчаянно ее беспокоила.

– Ты хочешь сказать, не успею уйти, погибну вместе с американским главнокомандующим? – спросил он мягко, облег-

чая ей задачу. – Признаться, это не исключается, конечно, – добавил он осторожно. – Но я постараюсь, Мари, тебя не расстраивать, – он усмехнулся.

– А что это за взрывчатка, которую изготовил Цилле? – спросила она. – Отто сказал, главное, чтобы она не оказалась рядом с электричеством. Но это же невозможно обеспечить. В штабе Эйзенхауэра предостаточно электрических приборов.

– Да, взрывчатка может среагировать на электрический разряд, – согласился Раух. – Ну, например, на удар молнии. Однако сейчас зима, и грозы не предвидится, – попробовал пошутить он.

– А если перепад напряжения и перегорит лампочка, – Маренн внимательно посмотрела на него. – Это же тоже электрический разряд.

– Ничто не исключается. – Раух осторожно прикоснулся пальцами к ее плечу. – Однако не думаю, что, как только я окажусь в штабе Эйзенхауэра, там сразу же станут взрываться лампочки. И если мне удастся попасть в кабинет генерала, будь уверена, я не стану ждать, когда у него что-нибудь перегорит. Мне, собственно, не о чем с ним беседовать. Я выполню свою задачу и вернусь назад.

– Однако всегда есть место случайности. Это риск, – возразила Маренн. – Лампочка может перегореть случайно. Или вообще отключат электричество. Или что-то испортится на линии из-за снегопада. Снег-то все идет, – она указала взгля-

дом на окно. — Он прилипает к проводам...

— Война — всегда риск. Мне странно, что это приходится объяснять тебе, — Раух покачал головой. — Если бы еще фрейляйн Джилл, к примеру.

— А где будет спрятана взрывчатка? — спросила она все так же напряженно.

— На рукаве за пуговицей. Даже обыскивая меня, американцы ее не найдут, ведь руки при обыске мне придется поднять вверх. Это очень маленькая капсула, но она обладает большой разрушительной силой.

— Как же она взорвется?

— Очень просто — упадет на пол, — ответил Раух невозмутимо. — Пуговица случайно оторвется. Такое бывает. И американская армия останется без главнокомандующего. Ну, хотя бы на какое-то время. Даже если Эйзенхауэр и спасется, он получит ранения. А его штаб будет разрушен.

— А если эту пуговицу оторвут случайно, когда будут обыскивать тебя? — спросила Маренн с затаенным страхом.

— Я же сказал, при обыске я подниму руки вверх. Конечно, они могут и запретить мне сделать это. Могут, теоретически, — Раух пожал плечами. — Но не думай, что пуговицу так легко оторвать. Во всяком случае, болтаться она не будет. Хотя еще раз повторю: на войне не исключается ничего. Тогда заряд сработает в руках у того, кто оторвет пуговицу. Эйзенхауэр, скорее всего, не пострадает, но штаб все-таки получит повреждения, возникнет паника. А в сложившейся

ситуации это тоже неплохо.

– А ты уверен, что тебе удастся выбраться оттуда?

– Я уверен только в том, что я выполню приказ, в каких бы обстоятельствах ни оказался, – ответил Раух твердо. – А вот насчет того, чтобы выбраться, у меня такого приказа нет, – в его голосе прозвучала горькая ирония. – Это уж как получится. Но я обещал тебе, я постараюсь.

– В этом доме легко заблудиться – столько комнат!

В коридоре слышались шаги и цокот собачьих лап. Дверь в комнату открылась. Айстофель влетел в бывшую детскую спальню Маренн и, виляя хвостом, подбежал к хозяйке, лизнув руку. Маренн наклонилась, глядя его между ушами. Вслед за собакой на пороге показался Скорцени.

– Даже если жить здесь с самого детства, все комнаты не обойдешь.

Чуть наклонив голову, оберштурмбаннфюрер вошел внутрь.

– Зачем твоим предкам так много залов? – спросил он иронически. – Что они здесь делали? Трудно представить себе семью, которой потребовались бы все эти комнаты.

– Они вовсе и не требовались, – ответила Маренн, присев на корточки рядом с собакой. – Для жизни, я имею в виду, вполне обходились несколькими помещениями. Но в те времена, когда строился этот дом, его размер свидетельствовал о благосостоянии, о могуществе рода. Все имело значение – и как далеко от королевской резиденции. А мы, как

ты видишь, очень даже близко – можно сказать, через дорогу, и уж, конечно, количество этажей и комнат. Что же ты тогда скажешь о замках с огромными стенами и могучими башнями. Мой замок в Марселе в последний раз, если мне не изменяет память, штурмовали во время междоусобицы чуть ли не в десятом веке. Но с тех пор никому не пришло в голову его перестраивать. Это символ власти феодала, его могущества и близости к сюзерену.

– Думаю, что содержать такие поместья недешево, – заметил Скорцени все с той же иронией.

– Ни Монморанси, ни тем более Габсбурги никогда не нуждались в средствах, как тебе известно, – спокойно парировала Маренн. – Они всегда знали, что у них большие расходы, и потому заботились о том, чтобы ни у кого не занимать на это.

– Что ж, королевские привычки иногда очень помогают, – заметил Скорцени задумчиво и, подойдя к окну, посмотрел вниз. – Вот нам, например, при планировании нашего броска из Льежа в Париж не пришлось ломать голову, где найти укрытие. Версальский дворец Монморанси оказался очень кстати. Как твоей домоправительнице удалось избежать того, чтобы здесь расквартировали парочку американских взводов? – спросил он насмешливо. – Обычно они не церемонятся. Какие-нибудь чернокожие ребята из Кентукки вволю посидели бы здесь на королевских диванах и поплевали бы жвачкой в потолок.

– Я не спрашивала Женевьеву, – ответила Маренн, внимательно взглянув на него, его насмешливый тон ей не нравился, он всегда свидетельствовал о том, что оберштурмбанн-фюрер не в духе. Значит, что-то пошло не так.

– Я во всем полагаюсь на свою домоправительницу. Она умеет договариваться с квартирмейстерами, на каких бы языках они ни говорили. У нас, у феодалов, как ты заметил, большой опыт в том, чтобы откупиться от незваных гостей.

– Моя заброска отменяется, Отто? – Раух спросил осторожно, они с Маренн переглянулись, она кивнула, догадываясь, что так и есть.

– Мы получили радиоперехват, – сообщил Скорцени, не оборачиваясь к ним, но скулы напряглись, шрам на щеке стал заметнее. – Эйзенхауэр в течение часа покинет свою резиденцию в Версале. Он направляется в Верден и вызвал туда генералов Патона и Брэдли. Похоже, они догадываются, что сегодня начнется наше наступление в Арденнах, и собираются намеренно ослабить фронт на направлениях удара, чтобы наши колонны могли его легко прорвать и углубиться в их расположение. Они отводят силы, формируя мобильные группы с севера и юга, чтобы затем нанести ответный удар и взять наступающие немецкие силы в клещи. Видимо, все это будет решаться на совещании в Вердене. Наша задача теперь, – он наконец-то повернулся к ним, – сделать так, чтобы Эйзенхауэр не добрался до места встречи. Мы должны перехватить его по дороге.

– А что, если поездка Эйзенхауэра – дезинформация? – предположил Раух.

– Мы не можем игнорировать такую возможность, – Отто кивнул. – Цилле и люди из его группы сейчас следят за резиденцией Эйзенхауэра. И мы постоянно получаем радиоперехваты из Берлина. Как только станет ясно, что Эйзенхауэр действительно покинул Версаль, мы должны подготовить засаду и напасть на кортеж. Такая задача. Как я сказал, это решится в течение часа. Так что нечего разгуливать по комнатам, – добавил он, и Маренн поймала на себе его жесткий взгляд. – Всем собраться внизу и быть готовыми. Ясно, гауптштурмфюрер? – спросил он Рауха.

– Так точно, – адъютант щелкнул каблуками.

– Отлично.

Скорцени направился к двери.

– Господин оберштурмбаннфюрер, – навстречу ему попался радист. – Еще одно срочное сообщение из Берлина. Этот музыкант Миллер так и не прибыл в Париж. По некоторым данным, его самолет потерпел крушение. Похоже, его разбомбили над Ла-Маншем свои.

– Мне сейчас не до музыкантов. – Скорцени поморщился. – Вернемся к этому позже, – решил он, подумав мгновение. – Все внимание – на Эйзенхауэра! Музыкант подождет. Если он не на дне Ла-Манша, конечно, что вероятнее всего.

Снег был рыхлый и влажный. Прижавшись щекой к мокрому стволу сосны, Маренн неотрывно смотрела на пустую

дорогу вниз. С веток капало, она натянула на лоб капюшон белого маскировочного комбинезона. Сдернув перчатку, Раух взял ее за руку.

– Замерзла? – спросил шепотом.

– Нисколько, – ответила она, пожав его пальцы. – Не волнуйся за меня.

Сзади послышался скрип веток, потом глухой стук, кто-то упал в снег рядом со Скорцени.

– Герр оберштурмбаннфюрер, – услышала она громкий шепот Цилле. – Кортёж проехал третий поворот. Они приближаются. Через шесть минут будут здесь.

– Всем приготовиться! – приказал Скорцени, обернувшись.

Вскоре послышался шум моторов. Два «виллиса», окрашенных в блеклый оливковый цвет, выехали на горную дорогу. Их сопровождал грузовик с охраной.

– Приготовиться! – приказал Скорцени. – Как только они поравняются с нами, взрывай фугасы, – скомандовал Цилле.

– Слушаюсь, герр оберштурмбаннфюрер!

Минуты, казалось, тянулись очень долго. Наклонившись вперед, Маренн видела, как «виллисы» приближаются. Она даже могла различить лица солдат в грузовике. Трое из них были чернокожими. Они сидели друг напротив друга и, активно двигая мощными челюстями, жевали жвачку. Она даже различила, как на пухлых коричневых губах одного из них выступила слюна. «Жаль, что рейхсфюрер не разрешил

включить в отряд негров, – подумала она иронически. – Мы бы гораздо больше походили на них. А так даже и жевать так, как они, у нас вряд ли получится. Настолько серьезно и сосредоточенно». Сверху на Маренн упало несколько комков снега. Она подняла голову. Пушистая серая белка уселась на ветку сосны прямо над ней и шелушила шишку. Как будто и не было войны – в полной безопасности.

– Уходи, уходи!

Маренн тихонько постучала краем фляги по стволу. Белка насторожилась и, схватив шишку, скрылась в ветвях. Через мгновение последовали две яркие вспышки: одна – впереди «виллисов», другая – позади грузовика. Колонну заволокло дымом. Послышался дробный стук автоматов.

– Вперед! Вниз! – скомандовал Скорцени. Десантники побежали вниз по склону. Маренн видела, как Раух подбежал к первому «виллису», резко рванул на себя дверцу. Навстречу ему с пассажирского сиденья вывалилось тело в генеральской шинели – человек был явно тяжело ранен или даже убит. Подхватив сумку с медикаментами, Маренн подбежала к нему. За разбитым стеклом «виллиса» она видела водителя, уткнувшегося лицом в руль. Он не шевелился – лицо было залито кровью. Раух вытащил генерала на снег, перевернул его.

– Он жив? – спросила Маренн, упав на колени рядом.

– Это не Эйзенхауэр. – Раух вскинул голову и взглянул на нее. – Они провели нас.

Она и сама поняла это. Сдернув перчатку, она убрала снег с лица генерала – глаза его были закрыты, лицо совсем не напоминало известные изображения американского главнокомандующего. Вольф-Айстофель подбежал к ней и уткнулся мокрым носом в руку. Она обхватила его за шею и снова взглянула на Рауха.

– Эйзенхауэр поехал другой дорогой, – констатировал тот мрачно.

В Версале, присев на пушистый ковер перед ярко горящим камином, она грела пальцы о теплый бокал с анисовым глинтвейном и слышала, как, меряя шагами пространство гостиной, Скорцени выговаривает Рауху.

– Я убеждал Кальтербруннера, что в отряд необходимо зачислять только членов ваффен СС, людей убежденных и опытных. Но ему необходимо было выслужиться перед Кейтелем, блеснуть способностями: мол, он умеет оригинально действовать. В результате в отряд пришлось включить этих армейских болванов, так называемых знатоков американского диалекта английского, которых объединили в группу гауптштурмфюрера Хардика. Из всех них только Хардик имел необходимый опыт участия в диверсионных операциях. Остальные же обычные армейские служаки. В результате они сбились с курса, подорвались на минах, их взяли в плен, а с ними в руках американцев оказался план всей операции по захвату Эйзенхауэра. Они даже не потрудились его уничтожить.

– Они не выходили на связь, но Берлин только полчаса назад сообщил, что они захвачены «томми», – добавил Цилле.

– Они проверяли, на это ушло время, – ответил Раух.

– А еще, мне помнится, Кальтенбруннер хотел послать на операцию Джилл, – напомнила Маренн. – Интересно, что он хотел показать этим? И кому? Новую героиню рейха? – она спросила с горькой усмешкой. – А если бы Джилл оказалась в группе Хардика?

– Что же теперь? – поинтересовался Цилле. – Нам надо прорываться назад к Льежу?

– Кальтенбруннер в ярости, – произнес Скорцени задумчиво и подошел к камину. Встав позади Маренн, он положил руку на ее скрученные на затылке в узел пышные волосы и смотрел на огонь. – Он не может доложить рейхсфюреру, что вся его затея закончилась ничем – пшик. Эйзенхауэр благополучно прибыл в Верден и уже проводит совещание по перегруппировке войск для отражения нашего наступления. Ему необходим хоть какой-то успех. И выбор здесь вообще не велик, – он усмехнулся.

– Он хочет, чтобы мы бегали по всему побережью и искали этого музыканта Гленна Миллера? – догадался Раух. – А для чего? Тоже мне фигура. Как он может повлиять на наступление наших войск в Арденнах?

– На наступление в Арденнах – никак, – ответил Скорцени все так же задумчиво. – Он нужен совершенно не для этого.

– А для чего?

– Для реализации еще одной сумасшедшей идеи, с которой Кальтенбруннер носится в последнее время.

Скорцени снова подошел к столу и плеснул себе в бокал трофейный виски из фляги.

– Кто-то из ученых подсунул ему идею создания сверхагента, – объяснил он. – Мол, появились возможности полностью изменить личность человека, заставить его забыть свое прошлое и убедить его, что он совершенно другой человек. Для этого требуются какие-то операции, вливания медикаментов, психологическая обработка. Кто-то проводил такие опыты в Освенциме с заключенными, и вроде бы что-то получалось. Да, черт знает что! – Скорцени поморщился и взглянул на Маренн. Она неотрывно смотрела на него, взгляд ее помрачнел, красивые темные брови сдвинулись к переносице. – Это не моя задача, – заключил он. – Моя задача – доставить к нему этого музыканта.

– Но почему именно из него решили делать агента? – изумился Цилле.

– Потому что он один в один похож на какого-то сталинского партийного функционера, – ответил Скорцени мрачно. – И Кальтенбруннеру показали их фотографии, чтобы он убедился. Здесь очень важно внешнее сходство, чтобы не делать множество пластических операций. Только тонкая психологическая работа.

– Ты считаешь, это возможно? – Раух обернулся к Маренн.

Она смотрела в пол перед собой и, когда Раух обратился к ней, даже не подняла головы.

– Это возможно, – произнесла она глухо. – Но это значит, насильно лишить человека его собственной жизни и заставить его прожить чужую. Это преступление, перед которым меркнет любое убийство. Я не допущу этого.

Она вскинула голову. Ее зеленые глаза, темные, как два куска малахита, взглянули прямо на Скорцени.

– Меня можешь не убеждать. – Он не отвел взгляда и ответил спокойно. – Будь у меня здесь Эйзенхауэр, я бы не стал связываться со всем этим. Пусть поищут другого исполнителя для этого бреда. Но сейчас я должен найти и доставить в Берлин Миллера. Иначе всем нам не поздоровится, что мы упустили главного американца. И еще неизвестно, как закончится наступление, если вояки его провалят, мы будем первые, кто окажется виновным в том, что не обеспечили удачную реализацию их гениального замысла. Мы доставим его в Берлин, а там...

Голос его смягчился, он обошел стол и подошел к Маренн, встав напротив нее.

– Я уверен, ты сумеешь повлиять на Гиммлера, чтобы он прекратил эту «научную» деятельность Кальтенбруннера. Тебя поддержит Шелленберг, я не сомневаюсь, – Скорцени криво усмехнулся. – Опять же фрау Марта. Думаю, и Мюллер не откажется, – добавил он с иронией. – Я не буду прятствовать, обещаю. Но сейчас мне нужен этот Миллер,

пойми это, – повторил он твердо. – И мы отправимся за ним на побережье.

Поставив бокал с глинтвейном на ковер, Маренн обняла руками колени и молча смотрела на огонь. Вольф-Айстофель улегся рядом с ней, положив красивую черную морду на носок ее сапога, и то и дело поглядывал на нее яркими янтарными глазами, сочувствуя.

– Я думаю, за этого американского музыканта можно только порадоваться.

Раух присел рядом с ней. И, закулив длинную черную сигарету с ментолом, передал ей. Она взяла, благодарно кивнув.

– Порадоваться, что из него сделают большевика? – спросила она с сарказмом.

– Во-первых, мы его найдем, – ответил он и, щелкнув зажигалкой, тоже закурил сигарету. – И сделаем это быстрее, чем его соотечественники, которым сейчас вовсе не до него, когда эсэсовские танковые дивизии разорвали в клочья их оборону в Арденнах. А если он упал в воду и до сих пор жив, то время для него чрезвычайно важно. Сейчас же декабрь, не июль. Возможно, эта сумасбродная идея Кальтенбруннера спасет ему жизнь. Ну, а что касается дальнейшего. – Раух пожал плечами. – Отто прав, не все решает Кальтенбруннер, а рейхсфюрер может и передумать, если ему все правильно преподнести. Кто это сможет сделать, если не ты и не Шелленберг? Не думаю, что Гиммлер станет долго возиться

с этой затеей и тратить на нее деньги. Большевики уже на границах Польши, у рейхсфюрера есть задачи поважнее, зачем ему агент в стане большевиков, когда надо заботиться о собственном будущем? Так что Отто прав, главное сейчас – спасти этого музыканта, ну а там. – Раух сделал паузу. – Может быть, он вернется к себе в Америку, кто знает? И вспомнит о нас с благодарностью. Хотя бы он один. – Раух грустно усмехнулся. – Ну а Кальтенбруннер прикроет свой провал. Ты согласна? – наклонившись, он заглянул ей в лицо.

– Да, согласна.

Маренн кивнула. Но в глазах у нее стояли слезы.

– Боюсь, я никогда не исполнял подобных поручений, сэр.

Голос Миллера дрогнул, он закашлялся.

– Простите, сэр.

Блеклое зимнее солнце заглянуло в высокое окно с витражами, посеребрило мутную воду Ла-Манша, плещущуюся между круглых гранитных валунов внизу, и тут же снова скрылось в тумане. Гленн Миллер растерянно развел руками.

– Я имею в виду, что я могу испортить все дело, сэр, – добавил он, не дождавшись ответа. – У меня не было такого опыта.

– Я понимаю вас, дружище.

Генерал Арнольдф встал из-за стола, подошел к музыканту и дружески похлопал его по плечу. Гленн заметил, что подбородок у генерала странно вздрагивал, словно он старался

подавить усмешку.

– Наступают такие минуты в нашей жизни, – продолжил Арнольф, неожиданно повысив голос, как будто давал интервью для радио, – когда мы должны сделать для нашей родины что-то очень важное, преодолеть себя, даже пожертвовать...

Он отвернулся, пожевал губами.

– Да-да, пожертвовать, – подтвердил он, видимо, не найдя более подходящего выражения. – Если придется – пожертвовать, – добавил быстро, почти скороговоркой и пристально посмотрел на Гленна.

– Я ничуть не менее солдата на фронте понимаю свой патриотический долг, – ответил тот смущенно. – Я готов исполнить приказ, сэр. Но я хочу, чтобы вы знали, сэр...

Он не закончил. Махнув рукой, Арнольф перебил его.

– Я знаю, знаю.

Повернувшись к Гленну спиной, он прошелся по кабинету. Остановился перед окном, глядя, как гнутся под ветром ветви вяза на склоне холма. Потом снова обернулся к Миллеру. Запал патриотизма явно угас, лицо генерала приобрело печальное выражение.

– Поймите, у нас нет другого выхода, – признался он. – Перед самой высадкой в июне гестапо раскрыло подпольную сеть, которая поддерживала связь с настроенными против Гитлера офицерами в штабе фельдмаршала фон Кюге. Многие из них были арестованы после заговора 20 июля.

Сам фельдмаршал фон Клюге вынужден был покончить жизнь самоубийством, а замещавший его Модель смещен. Те же немногие, которым удалось уцелеть в окружении нынешнего главнокомандующего фон Рундштедта, должны вести себя осторожно. Они смертельно рискуют. Человек, который будет ждать вас в Париже, связан с этими кругами, и он тоже рискует жизнью, если не своей – в Париже ему сейчас ничего не угрожает, – но жизнью близких ему людей, находящихся на территории рейха. Мы просто не имеем морального права увеличивать для него количество опасностей. В Париже осталось полно тайных пособников гестапо, и все наши агенты – под их прицелом. Необходимо новое лицо, которое не заподозрят, и музыкант – самая подходящая фигура, – заключил генерал веско. – Кто может быть более далек от выполнения разведывательной миссии, чем вы, мой друг. – Он усмехнулся. – В гестапо тоже так думают.

– Тот офицер, с которым мне предстоит встретиться, как я узнаю его? – осторожно осведомился Миллер.

– Это не офицер. Это дама, – неожиданно ответил Арнольф. – Молодая дама. Танцовщица кабаре «Мулен Руж». Фривольная профессия – прекрасное прикрытие для серьезной работы, – поспешил он уточнить, заметив удивление на лице Гленна. – Ее сценическое имя Николь. На самом деле ее зовут Жюли. Жюли Делакура. Имея репутацию довольно легкомысленной девицы, она тем не менее довольно много сделала для Сопротивления. Она была одним из глав-

ных связников, которые поддерживали контакты между нами и заговорщиками группы фон Клюге. Это Жюли подала мне мысль направить именно вас на «свидание» к ней. Нет ничего удивительного в том, что известный музыкант и знаменитая танцовщица случайно встретятся на концерте. В конце концов, у них близкие профессии и могут найтись общие интересы.

– Что же я должен передать мадам Жюли? – серьезно спросил Миллер и, сняв очки, протер стекла, хотя нужды не было – так, на всякий случай.

– Не дать, а взять, – поправил его генерал Арнольф. – Взять ту информацию, которую вам передаст Жюли. Это очень важно. Фон Рундштедт успел поддержать Гитлера 20 июля и снова всплыл из небытия, – генерал вернулся к столу и сел в кресло. – Он был в немилости, о нем не вспоминали. Но он вовремя осудил и даже возглавил суд чести над бывшими сослуживцами, и вот опять ветер дует в его паруса. Став командующим Западным фронтом, он привел с собой некоторых своих людей, но в основном ему досталось «наследство» фон Клюге. Он знает, что многие из них если не находились в числе заговорщиков, то всячески поддерживали и сочувствовали. Один из них – молодой барон фон Венцлов, адъютант фон Клюге, тайный жених Жюли. Именно он должен сообщить нам, когда офицеры, поддерживавшие фон Клюге, готовы прекратить огонь, открыть фронт и сдаться. Это значительно облегчило бы наше продвижение.

Вы же со своей стороны, Гленн, должны передать им гарантии, которые я только что получил из штаба Эйзенхауэра. — Арнольф кивнул на шифровку на столе.

— Они откроют фронт? Это значит, они предадут свою страну? — Гленн почему-то сам испугался, произнеся эти слова. — Они же профессиональные военные. Они давали присягу...

— Совесть этих немцев и как они будут спать по ночам после разгрома их рейха — это не самое важное, что должно нас волновать, Гленн, — генерал Арнольф презрительно усмехнулся. — Наше дело — обеспечить успех своим войскам. И именно об этом мы должны с вами думать.

— Я подумал, офицеры не должны так поступать. Пусть даже они и офицеры вражеской армии. Сам я на их месте так бы не сделал.

* * *

Назойливая синица снова забарабанила в окно. Приподнявшись, Гленн потянулся вперед, чтобы взглянуть на нее, но Маренн осторожно его остановила.

— Нет-нет, лежите, — сказала она мягко. — Еще не пришло время для резких движений.

— Вы меня ни о чем не спрашиваете, — откинув голову на подушку, Миллер внимательно посмотрел на нее. — Но я уверен, вас интересует, известно ли мне имя того, с кем я дол-

жен был встретиться в Париже, а возможно, и того, с кем этот человек был связан в окружении фон Рундштедта. У вас есть наверняка такое задание от своего руководства.

Он замолчал, его воспаленные глаза буквально впились взглядом в лицо Маренн. Она не собиралась кривить душой.

– Да, такое задание у меня есть, – ответила она невозмутимо. – Мое командование очень хотело бы знать имена людей, которых вы сами справедливо называете предателями. Более того, мое командование даже уверено, что вам эти имена были известны, иначе вашу встречу с ними было бы трудно представить – ведь вы не профессиональный разведчик, чтобы оперировать одними лишь кличками и шифрами. Вы очень легко можете их забыть. Имена запоминаются лучше. И это наверняка был кто-то из артистической, музыкальной среды. Выбирая вас в качестве посланца, ваши американские начальники шли на риск, но, видимо, у них не было другого выхода. У них остался какой-то один канал, который они могли использовать только благодаря вам. Мы все это прекрасно понимаем, – она сделала паузу, чтобы дать ему возможность осмыслить все, что она сказала. – Но, как вы сами видите, пока я не прошу вас назвать мне имена. Потому что я уверена, что вы их... не помните. И это неудивительно после того, что с вами случилось. Надо время, чтобы память восстановилась. И на это направлено лечение, которое мы применяем, – она едва заметно улыбнулась.

– И когда лечение подействует и вы будете уверены, что

память вернулась ко мне. Вам ведь не надо проверять, вы и так знаете. Тогда вы начнете меня пытаться. Точнее, передадите в руки гестапо, где немедленно этим займутся. – Гленн грустно усмехнулся.

Маренн не торопилась отвечать. Она встала, подошла к окну, глядя на падающий за окном снег. «Американцу нельзя отказать в прозорливости. Да и что сложного догадаться?» – подумала она иронически. Только сегодня утром Скорцени сообщил ей, что Кальтенбруннер настойчиво требует, чтобы «арестованного артиста» как можно быстрее передали Мюллеру. «Уж он-то знает, как его разговорить, – нетерпеливо выговаривал обергруппенфюрер по телефону. – Так что скажи своей врачихе, Отто, пусть поскорее ставит ему голову на место. Он нам нужен».

– Ты слышала?

Повесив трубку, Скорцени кивнул на телефон.

– Пока он явно не настроен снимать это дело с контроля, – заметил он.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я не допущу того, чтобы Миллера пытали. – Маренн ответила резко, даже враждебно, глядя при этом не на него, а в бумаги на столе. – Мало того, что пытки мне отвратительны, а тот, кому угрожают ими, даже и не солдат вовсе, а музыкант, он – великий музыкант, Отто. Он действительно артист.

– Всегда, когда ты злишься, мне предоставляется возможность разговаривать с твоим затылком, с этой пышной коп-

ной волос.

Скорцени подошел к Маренн и, приподняв за плечи, повернул ее лицом к себе.

– Он – артист, ты права, – заметил негромко, глядя в глаза. – Ну и выступал бы себе на сцене. В какой-нибудь Оклахоме Мюллер в жизни бы до него не добрался. Он ввязался в дело, где проигрыш – это смерть. И он сознательно пошел на это. Так что вряд ли ему стоит ждать снисхождения.

– Талантливый человек не может остаться равнодушным, когда страдают миллионы, когда льется кровь, – возразила Маренн. – Он не может находиться в стороне. Талант толкает его в самую гущу, он приносит себя в жертву, ведь талант всегда на стороне жизни, он против смерти, против уничтожения.

– Это ты знаешь по своему английскому художнику? – Скорцени усмехнулся и, отпустив ее, отошел. – Это самый яркий пример, который ты всегда приводишь. Знаменитый художник, выступивший защитником простых солдат против заговора генералитета, расстрелянный своими родными английскими пушками в спину, чтобы не мешал.

– Он мог бы не делать этого, – ответила Маренн с вызовом. – И многие его парижские и лондонские друзья не делали. Они не пошли в окопы, а сидели в своих уютных мастерских и продолжали заниматься творчеством. Точнее, тем, что они называли творчеством. Он был один, кто пошел, один, кто сделал это. Один, кто не испугался. Он никогда

не был трусом. И, как бы о нем ни говорили, что он флиртовал с женщинами, содержал по нескольку любовниц одновременно, главное испытание он выдержал. На право называться художником и человеком. И за это он поплатился жизнью. Можешь быть уверен, что в память о нем, о моем первом муже художнике Генри Мэгоне, я не допущу того, чтобы Миллера подвергли пыткам. Для этого я использую все возможности, которые у меня есть.

– Вальтера Шелленберга, например, – добавил Скорцени язвительно. – Не сомневаюсь, что это тайное оружие обязательно сработает.

– Тебя это не касается, – отрезала она и, убрав документы в стол, встала, давая понять, что разговор на этом закончен.

– Я могу вас уверить, Гленн, что, несмотря на то что опасения ваши небеспочвенны, вам нечего опасаться.

Она вспомнила о Миллере и повернулась к нему. Он лежал с закрытыми глазами, видимо, отчаявшись дожидаться от нее ответа. Услышав ее слова, мгновенно вскинул веки. В глазах – ни капли сна, все та же неуходящая, тупая боль.

– Вам нечего опасаться, Гленн.

Маренн подошла к нему и, взяв за руку, ободряюще сжала ее.

– Вас не будут пытать. Я думаю, бригаденфюрер Шелленберг может гарантировать это, – произнесла она негромко, но твердо. – Вы мне верите, Гленн?

– Да, верю. Благодарю вас, фрау.

Его забинтованные пальцы шевельнулись, он ответил на ее пожатие. Потом снова закрыл глаза. На бледных синеватых губах промелькнула слабая улыбка.

– Вы возвращаете мне надежду, – прошептал он.

* * *

– Удивительно, но я узнала, мама, что Гленн Миллер стал знаменитым благодаря случаю, который, как ему казалось вначале, должен был окончательно поставить крест на его карьере.

Аппетитное мясное рагу с баклажанами ароматно пахло на фарфоровых с серебряной вязью по краям тарелках. В свете свечей на столе поблескивало в бокалах красное вино. Джилл наклонилась, чтобы взять сочную черную оливку из салатника, и, взглянув на Маренн, увлеченно продолжила.

– Когда Гленн оказался совершенно без денег и ему нечем было платить музыкантам, директор танцзала в Чикаго предложил ему контракт. У него не было оркестра, чтобы играть по вечерам, а владелец зала требовал денег за аренду. И представляете, на репетиции, перед самым открытием, ведущий трубач порезал губу и выбыл из строя на месяц, а вся аранжировка была сделана именно на ведущую трубу. Я уже не помню, как звали этого трубача, кажется Дон Мэтьюз. – Джилл слегка нахмурила красиво очерченные брови. – Но у него был очень широкий диапазон, и найти второго такого

просто было невозможно. Ситуация казалась безвыходной, все отчаялись. Директор зала был уверен, что ему придется отменять вечера и платить неустойку, а это была довольно внушительная сумма. И тогда Миллер совершил невозможное – за одну ночь он переписал аранжировку. Он заменил ведущую трубу на ведущий кларнет – это позволило гармонизировать мелодию в той же октаве...

– Простите, что сделать? Я не понял, где гармонизировать?

Альфред Науйокс промокнул губы салфеткой и попросил с усмешкой:

– Нельзя ли попонятнее для неосведомленной публики? И кто тебе рассказал все это? Доктор Геббельс? Кто же еще у нас сведущ в вопросах культуры?

– Я сама прочитала в американских газетах. – Джилл обиженно качнула головой, блестящие темные волосы, идеально подстриженные в каре, упали вперед, и она нетерпеливо отбросила их рукой. – У нас в управлении имеются все более или менее значимые американские издания за последние двадцать лет, и я прочитала интервью Гленна Миллера для «Чикаго трибьюн», где он сам рассказывает об этом случае. Надеюсь, ты не сомневаешься, Алик, что я умею читать по-английски? – спросила она с вызовом.

– Ни в коем случае, – быстро согласился тот.

– А по части гармонии меня просветила Зилке, она очень серьезно занималась музыкой в детстве и до сих пор берет

частые уроки.

– Ну, Зилке – это, конечно, специалист, я не спорю, – Науйокс рассмеялся. – Ее фамилия, случайно, не Бетховен? Я что-то забыл...

– Сходи в управление кадров, там тебе напомнят, – иронично посоветовал Скорцени. – А заодно навести доктора де Криниса. Он тебе посоветует. По части памяти.

– На самом деле Джилл совершенно права. – Маренн поспешила поддержать дочь. – То, что придумал Миллер за одну ночь – четыре саксофона и ведущий кларнет, – было революционным решением. Это принесло ему успех. Кстати, Джилл, ты разве не помнишь, в 1932-м, по-моему в январе, мы с тобой и Штефаном ходили в Нью-Йорке на мюзикл Джорджа Гершвина «Безумная девушка»? – напомнила она. – Гленн Миллер написал для этого представления несколько аранжировок, его имя значилось на афише. Свой оркестр он создал в 1937 году, тогда же и начал играть в танцевальном зале «Одеон» в Чикаго. Мы его уже не слышали вживую, только на пластинках и по радио, – вздохнула она. – Тогда мы уже были в Германии.

– Мне так нравится эта его мелодия, кажется, баллада «Серенада лунного света», – добавила оживленно Джилл. – Я с удивлением узнала, что он написал ее как домашнюю композицию по заданию его учителя, профессора Шиллингера, у которого он брал частные уроки. И этот профессор, к слову, был эмигрантом из России. А еще «Чаттануга Чу-

ча». Очень заводная, веселая пьеса.

– Кстати, вам теперь не стоит жалеть, что не попали в «Одеон» на танцы, – заметил Алик, скрыв улыбку. – Этот знаменитый Миллер здесь сыграет вам на саксофоне, как только поправится. Но еще до того, как Кальтенбруннер сочинит из него советского партийного функционера, конечно.

– Не на саксофоне, а на тромбоне, – поправил его Скорцени. – Как-то непростительно разведчику путать.

– Вот, знаешь, нет для меня никакой разницы, – честно признался Науйокс. – Я узнаю только рояль.

– Ну, это трудно не узнать. Даже тебе. – Скорцени иронично покачал головой, закуривая сигарету. – Наш шеф Вальтер Шелленберг не пропустил бы твоей оплошности.

– Еще бы! – Алик усмехнулся. – Сам-то он ни за что не спутает. Ничего и никогда. Энциклопедия.

– Кстати, Кальтенбруннер требует, чтобы Миллеру назначили освидетельствование.

Скорцени обернулся к Маренн.

– Он хочет, чтобы его осмотрела комиссия и представила ему заключение. Де Кринис что-то сообщил тебе об этом? – поинтересовался он. – Он должен был получить его распоряжение.

– Какое заключение, мама? О чем? – спросила Джилл, ее темные глаза смотрели на Маренн с тревогой.

– О том, можно ли сделать из парня родом из Айовы рус-

ского Ивана, – жестко сказал Науйокс, – и заставить его работать на себя. Потрясающая идея. Ты не слышала? – он бросил на Джилл насмешливый взгляд. – Автор – некто доктор фон Херф из «Лебенсборна». Кстати, это его родной брат возглавляет наше управление по кадрам, так, на всякий случай, – Науйокс многозначительно посмотрел на Скорцени. – Так что связи у него имеются. Кальтенбруннер говорит, что этот доктор проводил некие эксперименты, которые прошли удачно. Уж не знаю, что он там делал такое: из кошки собаку или из крокодила обезьяну, это все, конечно, засекречено, но эффект произвел впечатление на наших начальников, одержимых евгеникой. Большевики уже стоят на границах рейха, а Кальтенбруннера волнует, как бы создать супер-агента с измененными наследственными функциями. Он все думает, как бы в генофонде что-то подправить. Лучше бы подправили в вермахте и люфтваффе, чтобы в конце концов прекратить эту череду поражений.

– Там же уже подправили после 20 июля, – заметил Скорцени. – Тебе не нравится?

– Улучшений не видно, – ответил Алик уклончиво. – А для Миллера они разработали целую операцию. Этот его большевистский «спарринг-партнер», которого они подобрали, он сейчас находится в Карелии, второй секретарь их партийной организации там. Фон Херф торопится и подгоняет Кальтенбруннера. Это ясно – времени объективно мало. После октябрьского наступления большевиков финны

отступили фактически до своей старой границы. Но обстановка на освобожденной территории мутная, есть еще люди, на которых можно опереться. Можно скорее внедрить агента, пока НКВД не начало ужесточать режим. После того как они там все прочистят, будет очень сложно. Желательно провести операцию как можно скорее. Выкрасть настоящего большевика с территории Карелии и заменить его агентом. Вот это их главная идея. По-моему, они сошли с ума, но, как понятно, нас никто не спрашивает. Все одержимы жаждой порадовать фюрера и заслужить его похвалу, а возможно, и очередную награду. – Алик усмехнулся. – А уж успехи евгеники, на которой наш фюрер просто помешан, не могут его не порадовать. А что там дальше будет с этим агентом – это никого не волнует.

– А как они нашли этого большевика в Карелии? – изумилась Джилл. – Это где-то очень далеко. Не на Украине и не в Белоруссии. Это как-то странно.

– Так же как и Миллера, нашли случайно, – ответил Скорцени. – Через картотеку адмирала Канариса, которая им досталась после переподчинения абвера. Этот господин Трохов, если не ошибаюсь, руководил большевистскими террористами, партизанами, так сказать, которые действовали у финнов в тылу. Абвер тесно сотрудничал с разведкой Маннергейма. Трохова пытались вербовать, искали подходы, но все бесполезно. Пока Красная армия терпела поражения, он на контакты шел, но очень осмотрительный, осторожный.

Как понял, что ветер переменился, что успех теперь на стороне большевиков, все прекратил. Более того, связника сдал. Тот пытался на Трохова указать. Но не вышло, доказательств не было, так тот все устроил. Связник – из бывших русских аристократов, бежавших в Финляндию. Его расстреляли, конечно. Но у него в Финляндии осталась семья, и Кальтенбруннер рассчитывает на то, что они согласятся помочь, чтобы отомстить Трохову.

– Как я понимаю, если бы не смерть связника, с ним вообще можно было бы договориться, – предположил Науйо-кс. – Он бы не отказался пожить в безопасности где-нибудь на теплых островах, пока кто-то под его фамилией пытается увернуться от сталинского молота. Но этот факт не дает ему, конечно, шансов. Он будет уничтожен, это решено.

– Мама, ты думаешь, это им удастся сделать с талантливым музыкантом? Отправить его в лапы Сталина? – снова напряженно спросила Джилл.

– Нельзя сказать, что в наших лапах ему намного вольготнее, – усмехнулся Науйо-кс.

– Но мы, по крайней мере, европейцы, – возразила Джилл. – А там... Там просто – дикари.

– Судя по тому, что они творят в Польше, – это правда, – согласился Алик.

– Мама, почему ты молчишь? – Джилл неотрывно смотрела на Маренн, ожидая ее ответа.

– Ты знаешь, как я к этому отношусь, – произнесла та че-

рез мгновение. — Я категорически против. И это прекрасно известно Кальтенбруннеру. Да и рейхсфюреру тоже. Не сомневайся.

— Ты полагаешь, тебе удастся убедить их, что все, что предлагает этот фон Херф, — абсолютная чушь? — осторожно спросила Джилл. — Это возможно?

— Я надеюсь на это. — Маренн опустила голову. — Во всяком случае, я сделаю все, что от меня зависит.

Она старалась говорить спокойно, уверенно. Но, как никогда, в этом деле с американским музыкантом она чувствовала свое одиночество и всерьез не могла рассчитывать на поддержку тех, кто ее окружал. Даже сейчас, находясь в собственном доме, казалось бы, в кругу людей, с которыми она провела последние семь лет, и все они не раз оказывались в ситуациях, когда жизнь висела на волоске, и помогали друг другу — среди по-настоящему близких ей людей. Она понимала, что в ситуации с Миллером она останется одна.

Какие бы дружеские отношения ее ни связывали с верховными деятелями рейха — есть некие границы, на которых сталкиваются не просто честолюбие, карьеризм, желание испортить репутацию соперника и занять место поближе к начальнику. Эти побуждения свойственны в той или иной мере большинству людей как в тоталитарных, так и в демократических обществах. Это часть природы человека.

Но есть некие базовые ценности, от которых невозможно отступить, так как именно они лежали в основе процесса,

в результате которого эти люди собрались вместе и противопоставили себя всему остальному человечеству. Базовые ценности, которых она никогда не разделяла, некая первооснова, отличительный код, как в животной стае «свой – чужой». Код, по которому она для них всегда чужак, пленница, пусть даже и в золотой клетке, некое иное, а значит, враждебное существо.

И евгеника, эта любимая игрушка рейхсфюрера, мечта о создании идеального арийского человека, – это, безусловно, одна из таких ценностей. То, что роднит их всех – всю верхушку рейха, так же как идея насильственного принуждения к коммунизму и ненависть ко всему буржуазному спланирует вокруг Сталина его сатрапов.

Основополагающая идея – вот с чем ей предстоит бороться в случае с Миллером. Создание «идеального» агента, человека-робота. «Идеальное» – вот слово, от которого замирают все нацистские вожди. Идеал – ради него они приносят в жертву целые расы, которые объявляют неполноценными. То, что не имеет недостатка. Чудовищная сублимация довольно-таки заурядных людей, получивших власть в результате послевоенной смуты, сумевших насадить свою идеологию в массы и вынуждающих служить их интересам многих способных и по-настоящему талантливых людей.

Можно бесконечно пользоваться поддержкой рейхсфюрера в том, что касается снабжения войск медикаментами, можно даже при наличии смелости и желания склонить его

к гуманному решению по судьбе того или иного конкретно-го человека, которого переведут из лагеря в более комфорт-ные условия содержания. Но бесполезно убеждать рейхсфю-рера, что эксперименты над живыми людьми – это зло. Так же как его бесполезно убеждать в том, что евреев не надо уничтожать. Рейхсфюрер не может перестать быть рейхсфю-рером. Это и есть те базовые ценности, покусившись на ко-торые ты должен отдавать себе отчет, что ставишь на кар-ту собственную жизнь. На кого она может опереться, в ком найти поддержку? Маренн задавала себе этот вопрос. И са-ма давала себе ответ – невеселый ответ. Ни на кого. Науй-окс, как бы возмущенно он ни рассуждал о «новых придум-ках» Кальтенбруннера, на самом деле давно сделал ставку на того в тайной борьбе двух кланов вокруг рейхсфюрера, один из которых представляли как раз заместитель Гиммле-ра, Мюллер и Науйокс, а другой – более образованная и ре-ально мыслящая часть аппарата, возглавляемая бригаден-фюрером Шелленбергом. Даже Вальтер Шелленберг, кото-рый служил ей опорой всегда, пожалуй, отступится, только заикнись она, что намерена разоблачить человеконенавист-нический эксперимент доктора Херфа. Он хорошо знает, что Кальтенбруннер давно задумал сместить его с поста руково-дителя Шестого Управления РСХА, и только расположение Гиммлера препятствует тому, чтобы эти планы осуществи-лись. Что же, он сам, собственными руками это расположе-ние разрушит? А ради чего? Ради спасения жизни одного

американского музыканта? Пусть даже известного и талантливого. Впрочем, в том, что касалось Вальтера, Маренн не могла покривить душой, убеждая себя, что он смолчит. Нет, Вальтер не смолчит, конечно. Смолчит Науйокс. Скорцени тоже, скорее всего, смолчит. Шелленберг, конечно, не отступится, она понимала это. Он просто не позволит себе отступить. Но последствия такого шага, которые она предвидела, могли привести не только к гибели Миллера, но и к смещению Шелленберга с его поста, а значит, вполне вероятно, к значительному ухудшению ее собственного положения, а главное – положения Джилл. Их вполне могли вернуть обратно в лагерь, и если бы речь шла только о ней одной, она бы могла быть уверена, что выдержит, но Джилл – ни в коем случае. Она погибнет – это Маренн осознавала со всей очевидностью.

– Мне кажется, тебе надо бросить эту мысль – пытаться перевоспитать рейхсфюрера.

Скорцени заметил насмешливо. Они остались одни в столовой. Ужин закончился. Науйокс уехал домой. Джилл поднялась к себе в комнату, сославшись на усталость.

– Ты рискуешь задеть его ахиллесову пяту, – не дождавшись ответа, продолжил он. – Он очень раним в вопросах евгеники. Тут никакая фрау Марта не поможет.

– Я знаю.

Маренн подошла к камину и села в кресло, глядя на огонь. Отблески пламени играли на ее длинных темно-каштановых

волосах, распущенных по плечам.

– Я знаю все, что ты мне скажешь.

Что, собственно, еще она могла ответить? Отто как будто читал в ее душе. Но в этом не было ничего удивительного. Они давно были вместе, и он прекрасно знал о ее убеждениях. Далеко не все из них разделял – она смирилась с этим. Частично по долгу службы, частично исходя из воспитания, полученного в детстве, он не всегда был с ней согласен, но никогда не пытался изменить ее взгляды. Они принимали друг друга как есть, не переделывая, и именно это дало им возможность сосуществовать рядом все прошедшие годы.

– Если у Гиммлера есть религия, ну, помимо того что он стоит в церкви по воскресеньям со всем семейством, то это, конечно, учение о селекции человека.

Отто подошел к ней сзади и, положив руки на плечи, поцеловал ее волосы. Она с нежностью прислонилась щекой к его руке.

– Как всякий, кто не получил систематического образования, наш рейхсфюрер трепетно относится к науке, – заметил Скорцени, прислонив ее голову к себе. – Правда, если быть точным, не столько к самой науке, сколько к себе в науке. Не секрет, что он считает себя большим знатоком, например, в том, что касается лечения травами. Он даже развел в одном из лагерей целую плантацию, и заключенные выращивают ему все эти составляющие для его экспериментов. Но никакая фитотерапия не может сравниться для Гиммлера

с евгеникой. Ведь это благодаря евгенике он уверил себя, что он по крови родственник баварских принцев Виттельсбахов, у которых его отец работал учителем, и потому у него задатки великого полководца. Я думаю, что он потому так часто снисходительно относится к твоим просьбам, что ты тоже Виттельсбах по линии твоей прабабки императрицы Зизи, и в душе он считает тебя своей родственницей. Связь с Виттельсбахами убеждает Гиммлера, что наравне с ними он может решать на поле боя великие задачи, и уже почти приблизился к реализации своей мечты – заменить собой руководство вермахта.

– Ты знаешь этого протеже Кальтенбруннера? – спросила Маренн, взглянув на него. – Из «Лебенсборна».

– Фон Херфа? – Отто пожал плечами. – Нет. Лично мы с ним не встречались. Но могу сказать, что он неплохой психолог. Он тонко почувствовал, что евгеника не просто увлечение Гиммлера, она как бы отражает его подсознание, органически с ним связана. Наука, оправдывающая право немцев на превосходство над другими расами, право на господство. Отсюда его стремление навязать эту науку всем, всему народу, сделать так, чтобы все ею увлекались. Насколько мне известно, этот фон Херф не так чтоб только ученый, в смысле теоретик. – Скорцени сделал паузу.

– Что ты имеешь в виду? – Маренн насторожилась.

– В предыдущие годы он активно внедрял евгенику в жизнь. Проводил стерилизации цыган, алкоголиков как

неспособных дать полноценное потомство. А также участвовал в программе Т-4 по умерщвлению психически больных людей. Кроме того, прославился своим предложением умерщвлять всех, кто болен более пяти лет, как неспособных принести пользу рейху, в том числе и чистокровных арийцев. Гиммлер тогда расценил его предложение как избыточное, но, безусловно, его заметил. Думаю, он следит за его исследованиями.

– Мне кажется, я знаю, о ком идет речь, – догадалась Маренн. – Я слышала его на конгрессе в Чикаго в 1932 году. Тогда он ездил по городам Америки с лекциями. И активно выступал за то, что в США надо принять закон о стерилизации, что поможет ликвидировать до девяноста процентов преступления на почве безумия и алкоголизма, а также очистит сумасшедшие дома и психиатрические клиники. У него было немало поклонников. Люди ходили за ним толпами. А в некоторых штатах, как, например, в Северной Каролине, даже приняли закон о стерилизации всех, у кого коэффициент умственной деятельности меньше семидесяти, или бедняков. Им даже выплачивали премию, если они соглашались на добровольную кастрацию. Правда, все это безумие довольно быстро закончилось. Фон Херфом заинтересовалась полиция, и он исчез. Оказывается, он пригнулся в «Лебенсборне». Странно, что я до сих пор с ним не столкнулась, – она покачала головой.

– Это все потому, что ты невнимательно относишься

к распоряжениям рейхсфюрера по этой части, – пошутил Скорцени. – Ты и Джилл – вы обе. Рейхсфюрер же постоянно вещает, что каждая немецкая женщина должна отработать на этой «ферме», как называет это заведение Науйокс, и принести арийское потомство фюреру.

– Ты забываешь, мы с Джилл – не идеальные арийки, мы полукровки, – ответила Маренн неожиданно резко. – Так что фюрер вряд ли заинтересован в нашей деятельности на этом поприще.

* * *

– В настоящее время генетический груз настолько велик, что рано или поздно он просто раздавит человечество, оно задохнется от необходимости выполнения обязательств, навязываемых религией и отжившей моралью. Меры необходимо принимать как можно скорее. И главная из них – стерилизация ущербного материала.

В лекционном зале, снятом владельцем газеты «Чикаго трибюн» Робертом Маккромиком на берегу озера Мичиган специально для выступлений гастролирующих в США ораторов, яблоку негде было упасть. Все места были заняты. Люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, толпились перед сценой. Желających послушать о новой науке не оставила даже погода – с раннего утра в Чикаго шел дождь, а с озера дул сильный, пронзительный ветер.

– Я не понимаю, зачем ты привел меня сюда?

Маренн наклонилась к уху Скотта.

– Послушать этот бред? Я не понимаю, что тебя в этом увлекает.

Впрочем, она понимала. Ее спутник и давний друг Фрэнсис Скотт Фицджеральд – писатель, драматург, светский повеса. Они познакомились в 1925 году, когда, опубликовав в Нью-Йорке свой первый роман «По ту сторону рая», Скотт обрел известность и купил особняк на Манхэттене. Это был чудесный дом в средиземноморском стиле с семью спальнями, дровяным камином и арочными окнами. Скотт и его жена Зельда вели в нем роскошный образ жизни, устраивая вечеринки и принимая гостей. Это было безумное время – «время джаза», как назвал его Скотт в одном из своих произведений. После окончания Первой мировой войны, когда Европа лежала в руинах, на Америку пролился «золотой дождь». Началась полоса невероятного экономического процветания, сменившегося позднее глубочайшей депрессией. В Нью-Йорке и в Чикаго нувориши денег не считали. Процветали подпольные дельцы, бутлегеры, делавшие на «сухом законе» целые состояния, миллионы за пару дней. Скотт и его жена Зельда старались не отставать от богатой публики и соответствовать эпохе. Они вели жизнь напоказ. Частые скандалы, экстравагантные выходки – все для того, чтобы удержаться на первых страницах самых популярных газет. А желтая пресса захлеб смаковала их «приключения». То

и дело появлялись заголовки: «Зельда купалась в фонтане!», «Скотт разделся донага перед гостями!», «Скотт избил полицейского!». Беспорядочная жизнь, чрезмерное употребление алкоголя – все это быстро сказалось на здоровье Зельды, хрупком от природы. У нее появились признаки помутнения рассудка, и однажды в припадке безумия ее доставили в клинику Линкольна в Чикаго, где тогда работала Маренн. Так они познакомились. Так началась дружба.

– Вспомните опыт спартанцев, выбрасывавших в пропасть детей, которых старейшины признавали нежизнеспособными, – вещал тем временем оратор. – Еще Платон писал, что не следует растить потомство, полученное от родителей с дефектами. Более того, он призывал отказывать в медицинской помощи неполноценным особям, чтобы способствовать их естественной гибели и не увеличивать социальную нагрузку на общество. Народы Крайнего Севера издавна бросали в огонь новорожденных, которые имели недостатки при рождении и не были способны, как считалось, выжить в тяжелых условиях тундры.

– Я уверен, что Зельда унаследовала заболевание от своей бабушки, – с горечью признался Скотт. – В Монтгомери, городке в штате Алабама, где она родилась, многие завидовали их семье. Они всегда были богатыми, успешными, возвышались над остальными. Однако говорили, что бабушка Зельды Сара Сейр в середине жизни потеряла рассудок. Она и в самом деле исчезла. Официально было объявлено, что Сара утонула

в реке, когда переправлялась с черным слугой во время ненастья. Но соседи судачили, что в могилу на кладбище опустили пустой гроб, а Сара на самом деле жива. Под предлогом садовых работ ее муж распорядился вырыть в саду большой погреб, там ее держали подальше от любопытных глаз, а вход в это подземелье замаскировали огромной араукарией. Соседки говорили Зельде, что часто слышали по ночам, как откуда-то из-под земли доносились стоны, похожие на вой животного. Зельда и сама слышала их, когда была маленькой. Но дед говорил ей, что это ветер с гор воем в каминных трубах. Когда же Сара умерла, ее тайком вынесли из подземелья и зарыли где-то в горах, чтобы никто не знал, где находится ее настоящая могила. А крики из-под земли прекратились. Зельде тогда исполнилось тринадцать. И ветер с гор навсегда прекратил выть в трубах, – Скотт усмехнулся.

– Благодаря новой науке с вырождением будет покончено навсегда. Прекращение воспроизводства лиц, имеющих физические недостатки, благотворно скажется на развитии экономики, культуры наций... Это даст новый импульс развития. Ускорит, улучшит...

С трудом протиснувшись между людьми, они вышли из зала. За их спиной голос оратора утонул в аплодисментах и криках «браво». Обернувшись, Маренн увидела, как особенно рьяные поклонницы с визгом несутся к сцене, спотыкаясь друг о дружку, теряя на ходу шляпки и меховые горжетки.

– Это умопомешательство какое-то.

Они подошли к окну. Темно-серая рябь пробежала по озеру. Ветер гнул верхушки елей в парке. Мимо них, стуча каблуками, пробежало еще несколько опоздавших вздыхательниц лектора с букетами.

– Кто он такой? – спросила Маренн, кивнув в сторону зала. – Какой-то проходимец?

– Его фамилия фон Херф. Родом он из Австрии, – ответил Скотт. – Окончил медицинский факультет Венского университета. Стажировался в Англии у известного биолога Хаксли. Утверждает, что как естествоиспытатель не может не поддерживать идеи социального дарвинизма. Его популярность еще связана с тем, что он очень недурен собой и холост. – Скотт усмехнулся. – Поклонницы расхватывают его карточки, точно он кинозвезда, и просят автограф.

– Ты боишься за вашу дочь Фрэнсис? Что она унаследует болезнь матери? – спросила Маренн серьезно и, не дождав-шись ответа, продолжила: – В любом случае идеи господина фон Херфа тут точно не помогут.

– На прошлой неделе Зельде поставили диагноз шизофрении, – признался Скотт, раскуривая сигару. – Я даже не заметил, как это началось, – он с горечью пристукнул кулаком по подоконнику. – Пять лет назад у нее случилась сильная истерика. Она бросилась вниз головой с лестницы ресторана, приревновав меня к Айседоре Дункан. Физически она не получила повреждений. Но истерики стали случаться все ча-

ще, потом они и вовсе перешли в припадки, после которых наступала депрессия. На прошлой неделе она набросилась с ножом на одного из наших общих друзей, и лечащий врач сказал мне, что Зельда становится опасна, ее надо изолировать. То есть, как и ее бабуку, посадить в погреб. Только теперь вместо погреба – психиатрическая больница. Неужели ничего нельзя сделать? Неужели это не лечится? – Его лицо исказила гримаса страдания, он отвернулся.

– Шизофрения – это не скарлатина, которую вызывают бактерии. – Маренн взяла его за руку, успокаивая. – Скарлатина лечится трудно, от нее, бывает, умирают, но медицине известно ее происхождение и выработаны четкие методы, как бороться с недугом. Причины шизофрении до сих пор однозначно не выявлены, да их и не существует в природе. Шизофрения – это не одно конкретное расстройство, это целый набор расстройств в психике индивидуума, и у каждого он свой, у каждого конкретного расстройства – свои истоки и лечение. Поэтому требуется разное. Конечно, если то, что ты рассказал мне о бабушке Зельды, правда, да, наследственный фактор мог сыграть роль, но далеко не всегда он срабатывает, и не факт, что сработает в случае Фрэнсис, не надо пугаться. Образ жизни, склонности человека, его окружение – все играет роль. Я вовсе не думаю, что у Зельды действительно то, что большинство психиатров имеет в виду под термином шизофрения – глубокое расстройство, связанное с распадом процессов мышления и эмоциональных реакций.

Галлюцинации, бред, тем более столь популярный у специалистов эффект раздвоения личности – ничего этого у Зельды не наблюдается. Депрессия – вот ее диагноз. Эндогенная депрессия, она возникает как бы изнутри, сама по себе, точно помрачение, без всяких внешних причин. Она может нахлынуть в любой момент, без внешних стимулов. И от этого состояния очень трудно избавиться. Оно возникает оттого, что в процессе нарушения обмена организм не вырабатывает некоторые вещества, необходимые для поддержания психического здоровья человека. Однако депрессия, в отличие от шизофрении, поддается лечению. Это трудный и долгий процесс, но это возможно. Так что я не советую тебе слушать лечащих врачей и помещать Зельду в клинику. Они начнут вводить ей антипсихотики, исходя из диагноза, и это окончательно разрушит ее. Я уверена в этом.

– Ким, я хочу, чтобы ты взяла Зельду к себе. – Темные воспаленные глаза Скотта смотрели на нее с отчаянной надеждой. – Она доверяет тебе, она не боится тебя. Только ты сможешь ей помочь. Если тебе надо подумать – мы подождем.

Долго раздумывать Маренн не собиралась, да и времени на это не было.

– Хорошо. – Она согласилась сразу. – На следующей неделе мне надо уехать в Европу. Но, как только я вернусь, я возьму Зельду к себе в клинику Линкольна. Не отдавай ее пока другим врачам. Пусть она остается дома, следи за ней,

не оставляй одну. Одиночество для человека, находящегося в состоянии депрессии, убийственно. Я вернусь и думаю, что года через полтора я смогу поставить ее на ноги.

Она была уверена, что именно так все и случится. Но, увы, в Америку она так и не вернулась. В Берлине ее арестовали по доносу ее аспиранта агенты гестапо, и вместе с детьми она попала в лагерь. Из этого лагеря ее так и не освободили до сих пор. И хотя она пользовалась относительной свободой на территории рейха, вернуться к Скотту и Зельде она уже не смогла. А теперь и возвращаться уже было не к кому. В бюро переводов при шестом управлении СД, где она работала, Джилл переводила статьи из американских газет. Как-то вечером в феврале 1941 года она вернулась со службы очень расстроенная. Штефан был в эти дни дома, он получил краткосрочный отпуск и приехал из Франции, где находилась его дивизия. Маренн быстро заметила, что Джилл старается не встречаться с ним взглядом и как-то скупно отвечает на привычные шутки, хотя обычно слегка высмеивать друг друга было любимым их занятием. Как-то поспешно чмокнув брата в щеку, Джилл ушла к себе в комнату под предлогом, что ей надо переодеться, и не торопилась спускаться. Агнесс, их горничная, уже накрыла на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.